

The background of the cover is a detailed illustration. At the top, a large, close-up face of a vampire with long dark hair and a wide, toothy grin is visible. Below this, a character with long black hair, wearing a red robe and black arm guards, is shown from behind, holding two swords. The setting is a traditional Chinese street at night, with buildings and lanterns, all of which are on fire, creating a dramatic and fiery atmosphere.

Нина Р.

Сказ о возрождении
феникса.

Бессмертная

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Нуна Р

**Сказ о возрождении
феникса. Бессмертная**

«Автор»

2026

Р Н.

Сказ о возрождении феникса. Бессмертная / Н. Р — «Автор»,
2026

Лань Лин — живая легенда и проклятие в одном лице. Свергнутая императрица, обреченная богами на бессмертие, триста лет она ищет способ умереть. Но боги предлагают ей сделку: свобода в обмен на поимку древнего демона. Чтобы выполнить договор, Лин приходится вступить в мир людей, который она презирает, объединиться с теми, кто должны быть ее врагами. А ее собственное прошлое, полное предательства и ярости, готово поглотить ее снова...

Содержание

Глава 1. Грабить во время пожара	5
Глава 2. Бросить кирпич, чтобы получить нефрит	10
Глава 3. Увести овцу легкой рукой	14
Глава 4. Прикидываться безумным, сохраняя рассудок	23
Глава 5. Если хочешь что-нибудь поймать, сначала отпусти	29
Глава 6. Сеять раздор	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Нуна Р

Сказ о возрождении феникса. Бессмертная

Глава 1. Грабить во время пожара

Город Хуаньмэйчжоу¹ был скрыт от посторонних глаз, и найти дорогу туда мог лишь посвященный.

Вход открывался каждую полную луну, выпадающую на четвертый месяц². Ночью желающий попасть в город должен был найти исток реки Мо, надеть на голову плетеную шляпу-конус с дымчатой вуалью (обязательно спрятать лицо от неупокоенных душ реки), сесть на плот из сорокачетырехлетнего бамбука и оттолкнуться от берега.

Близ вод реки неизменно клубился туман, но путнику позволялось взять с собой маяк – бумажный фонарик с запертыми внутри светлячками. В пути надлежало соблюдать четыре простых правила. Не размыкать рта. Не слушать зов потерянных душ реки Мо. Не оглядываться назад, на мир людей. Не сопротивляться течению.

Если выполнить все условия, река Мо доставит путника к узкому проему, ведущему в грот. Тогда необходимо оставить фонарь на плоту и ступить во тьму. Идти вперед, объятый тяжелым пологом мрака, вдыхая мокрый воздух пещер. Идти до тех пор, пока впереди не покажется свет. С каждым шагом огни будут множиться, пока грот не расширится, и путнику не откроются широкие улицы Хуаньмэйчжоу, мощенные камнем.

Но, конечно, есть еще одно, самое главное условие, чтобы попасть в секретную обитель. Нужно не быть человеком.

Спрятанные от мира владения демонов и духов освещал золотой свет фонарей, гирляндами протянувшихся через этажи громоздких зданий. Дома из темного дерева соединяла причудливая сеть ступеней и мостов, переброшенных практически от каждого этажа многоуровневых строений.

На улицах бесновалась нечисть. Звероподобные существа в человеческих одеждах вышли развлечься, и местные заведения гостеприимно распахнули двери. Мимо проплывали изящные белокожие девушки в летящих шелках, на торчащих из мудреных причесок рогах позвякивали колокольчики и драгоценные подвески. По земле стелились, перебирая шестью парами рук, чуть зеленоватые, большеглазые духи, и прохожие крепче прижимали к себе кошельки. Эти пресмыкающиеся слыли ловкими карманниками. А уж куда мог дотянуться их длинный язык...

Лань Лин крепче сжала рукоять кинжалов, когда шестирукие ковыляли мимо. Ценнее оружия у нее ничего не было: два парных кинжала, ее давние соратники, два смертоносных близнеца для одинаково развитых рук.

Шестирукие чуть задержались подле нее, и даже когда Лин прошла мимо, узкие разрезы ноздрей их плоских носов подергивались, вдыхая ее запах. Она пахла человеком.

Прохожие провожали глазами, были то глаза со змеиными зрачками или же глаза, расположенные на лице в несколько рядов. У Лань Лин не было рогов, хвоста, клыков и перепонки, цвет кожи самый обычный, и одета она была слишком просто для здешних улиц: заношенная мужская рубаша да штаны.

Лин ниже опустила шляпу, чтобы вуаль закрыла лицо полностью. До дома удовольствий она рассчитывала добраться без происшествий.

¹ «Город иллюзий и чар»

² Число 4 в китайском языке созвучно со словом «смерть»

В глазах рябило от фейерверка из воздушных змеев, надушенных платков, фонариков самых причудливых форм, засахаренных ягод, фруктов, цветов. Лин остановилась у многоярусного изысканного строения в семь этажей. Эта величественная громадина затмила бы собой красоту любого дворца. Она напоминала праздничный торт посреди стола крошечных невзрачных пирожных. Фонарики, словно светлячки, плясали вокруг каждого яруса. Из-за летящих шелковых занавесей доносился смех, золотые колокольчики у входа игриво звенели, приветствуя гостей.

Только одно место может пахнуть духами, чаем, цветами и фруктами одновременно, выглядеть утонченно и невинно, но на грани распутной пышности. Только в одно место мужчины с тяжелыми кошельками идут с выражением безграничного блаженства на лицах, и покидают с тем же выражением несмотря на то, что кошелек опустел. Даже каллиграфичная вывеска «Дом цветов» имела шлейф легкой непристойности.

Это был самый помпезный бордель на памяти Лин.

Внутри танцовщицы соблазнительно изгибались под песни струнных. Их босые ноги выплясывали на круглой платформе в центре зала, над ними парили в воздухе акробатки, осыпая девушек лепестками цветов. То были лисицы-оборотни, знаменитые искусительницы. Кому как не мастерицам иллюзий лучше всех имитировать человеческий облик?

Все они были одеты весьма фривольно: полоска ткани, прикрывающая грудь, и две полоски на бедрах. Приватные комнаты для гостей спиралью уходили наверх, нижние же этажи были отведены для других, не менее порочных удовольствий.

Толпы зевак толкались рогами, лапами и хвостами, расчищая дорогу к столам, где в кено, маджонг и лю-бо азартные игроки проигрывали золото, талисманы и древние артефакты. Лин прошмыгнула меж демонов в первые ряды, глазами ища того, ради кого она явилась.

Владыка Хуаньмэйчжоу восседал на помосте за жемчужной ширмой. Покрытые чешуей руки лежали на подлокотниках трона, на тонких рогах красовались нефритовые подвески, а хвост обвивал ноги. Он был последний из настоящих драконов. По правую руку, в качестве советника, находился Цзе-Цзе, знаменитый коллекционер. Тонкие усики, как у сома, свисали над тонкими жабыми губами, под глазами лежали мешки, а набрякшие веки делали взгляд утомленным. Маленькие, но цепкие ручонки, напоминающие крысиные лапки, выглядывали из широких рукавов его ханьфу.

Коллекционер славился самой богатой сокровищницей редчайших и ценнейших вещей в мире. В том числе и людскими душами. Цзе-Цзе собирал свою коллекцию в надежде обменять каждое сокровище на услугу, и так он припеваючи жил столетия. Он помогал и демонам, и богам, и знаменитым героям мира людей, вовремя подсовывая им нужную безделушку. И всегда получал за услуги сполна. Лин готова была спорить, что место подле владыки он выкупил тем же способом.

Рядом с коллекционером виднелась еще одна фигура, но Лин не придавала ей значения.

— Кто хочет сыграть со мной? – спросил здоровенный демон, покрытый жесткой щетиной.

Лин подняла руку. Демон с кабаньей башкой сплюнул. Его харчок прилетел какому-то низкорослому чудику в глаз, он врезался в соседа, и завязалась драка.

— От тебя человечинкой за десять ли³ несет. – прорычал демон. – С тобой не стану.

Лин сняла шляпу и положила на игровой стол.

— А от тебя несет дерьмом. Боишься проиграть человеку, тупой увалень? Доставай кости, я играю только в сик бо.

³ Один ли равен пяти сотням метров

Грудь демона тяжело вздымалась и опадала. При других обстоятельствах он бросился бы на Лин и превратил ее в грустную кровавую лужицу, размазанную по полу. Но он не решился оскорбить владыку убийством в его владениях, иначе сам рисковал стать лужицей.

— Что ставишь? – мрачно спросил он у Лин.

— Свою жизнь.

Демон только усмехнулся. Они по очереди бросали кости. Демон рычал, когда выпадало неудачное число, и отпускал насмешливые комментарии, когда раунд выходил за ним. К концу игры Лин отставала на несколько очков. У нее был лишь один шанс отыгаться. Она лениво встряхнула кости и выпустила их из ладони. Кубики неохотно перевернулись и в сумме дали число пять.

— Ой. – сказала Лин без какой-либо интонации. – Проиграла.

Публика возликовала – такого исхода они и ждали.

— Что ж, моя жизнь твоя. – сказала Лин, с вызовом глядя в налившиеся кровью глаза. Пальцы ее уже нащупали рукояти кинжалов. – Иди. И заberi.

Демон бросился на нее. Он в миг пролетел через стол, достиг середины, один рывок отделял его от Лин и от стали, готовой вонзиться в мясистую шею. Но демона остановил тихий, властный голос:

— Стой.

Кабан замер на полпути. Взгляды всех присутствующих обратились к владыке. Дракон поднялся.

— Ты не видишь письма на ее теле? – спросил он. – Они сотворены Небесами, их не смыть. Это древнее и сильное проклятие. Жизнь ее тебе не забрать.

Лин стало легче дышать: плотно обступившая игральный стол толпа отдалилась на несколько шагов, оставив Лин под пристальным взором последнего дракона.

— Назовись. – потребовал владыка.

— Я Лин, из рода Лань.

— Мы здесь не рады людям, Лин из рода Лань. Ты поставила на кон то, что тебе не принадлежит. Решила обмануть нас?

— Всего лишь пошутила, рассчитывала привлечь внимание владыки. Видите ли, я здесь, чтобы потребовать долг. – Лин указала пальцем на коллекционера Цзе-Цзе. – Ваш советник получил от меня услугу вперед и не расплатился, сбежав сюда. Нижайше прошу владыку о справедливости.

Она видела, как складки фигуры коллекционера пошли волнами от дрожи, когда дракон повернулся в его сторону. Не было слышно, о чем говорили два силуэта за жемчужной ширмой, но один оставался недвижим и непримирим, а второй едва не ползал у него в ногах и хватался за нелепую шапку-ушамао.

— Долг будет возвращен тебе немедленно. – наконец объявил владыка. – Но ты покинешь город до исхода ночи и забудешь дорогу сюда.

Красавица-листочка проводила гостей в комнату за бамбуковой ширмой, быстро разлила чай и удалилась, напоследок кокетливо махнув выглянувшем на мгновение пушистым хвостом.

Лин уселась за низкий столик напротив Цзе-Цзе, рядом опустилась женщина, сидевшая с ним подле владыки. Теперь Лин хорошо разглядела ее. Белоснежные распущенные волосы, бледная, почти прозрачная кожа, вытянутые глаза и паучьи хелицеры, торчащие из впалых щек.

— Ах, Лань Лин, какая затейница! – проболтал Цзе-Цзе. В моменты волнения его усики нервно подрагивали. – Стоило устраивать сцену? Ведь это только между нами, не стоило приплетать владыку. Почему не обратилась напрямую ко мне?

— Ах, Цзе-Цзе, ты такой затейник! – передразнила его Лин. – Я гонялась за тобой пять лет по всей империи. Сказал бы сразу, что это такой ритуал передачи артефакта! Ты даже нанял убийц, приказал им похоронить меня заживо. Хорошо, что гроб они выбрали старый, а яму выкопали неглубокую.

— Позволь-ка! – возмутился коллекционер. – Этот пошлый способ умерщвления – не моих рук дело! Я велел наемникам подмешать тебе яд громокобры. Он не выводится из организма. Выпей ты его, мучилась бы нестерпимыми болями всю свою неприлично долгую для человека жизнь.

Лин по достоинству оценила его садизм.

— Неплохо придумано! Но, кажется, я прирезала твоих посланцев до того, как они успели подмешать яд. Надеюсь, ты заплатил им не слишком много.

Усы и кустистые брови коллекционера зашевелились от возмущения.

Цзе-Цзе отвязал от пояса небольшой расшитый мешочек. Внутри этого артефакта могло поместиться до десяти тысяч вещей, и коллекционер носил в нем самые ценные сокровища. Пальцы алчно дрожали, пока распуtywали узелок.

— Хэй, будет тебе жаться. – Лин откинулась на подушки и сложила руки на груди. – Вспомни, от чего я тебя спасла. Хочешь сказать, моя услуга не стоит того, что прошу?

После смерти души людей отправлялись в Сансару, где колесо жизни очищало их от воспоминаний и отправляло обратно в мир людей, на перерождение. Нарушить священный круговорот – страшнейшее преступление. Цзе-Цзе давно запустил в него свои крысиные лапки. На пути к перерождению души беззащитны. Поначалу демон крал лишь их воспоминания прежних жизней. Это спускалось с рук, и тогда Цзе-Цзе осмелел и принялся таскать души.

За воспоминаниями прошлых жизней приходили редко. А вот за освобождение души родственника или возлюбленного люди готовы заплатить любую цену. Пять лет назад Цзе-Цзе чуть не постигла кара Небес. Не предупреди его Лин, бизнесу пришел бы конец.

Цзе-Цзе извлек из мешочка бумажного журавля и протянул Лин. С виду он напоминал обычное оригами, но одного прикосновения хватило, чтобы понять: это подлинный артефакт. Лин свернула его и положила во внутренний нагрудный карман.

— Приятно иметь с тобой дело. – оскалилась она.

— Пожалуйста, больше не имей со мной дел. – Цзе-Цзе вытащил из рукава свернутый платок и обмакнул им складки на лбу.

— А кто твоя спутница?

Лин перевела взгляд на безмолвную женщину. Она сидела подле коллекционера, не издавая ни звука, не позволяя себе ни движения. Лицо Цзе-Цзе смялось от недовольства: он надеялся, что его новая игрушка не привлечет внимания.

— Всего лишь гостя. – равнодушно обронил он.

— Пророчица. – ответила она сама.

Лин с любопытством цокнула языком.

— Погадаешь мне? Не смотри так, Цзе-Цзе, просто маленькая просьба.

Она протянула пророчице руку ладонью вверх. Женщина прикоснулась к ней пальцами, прохладными, как утренний туман. Указательным надала в центр ладони, почти до боли, а после подцепила ногтем и вытащила наружу алую нить.

Лин вздрогнула.

— Ты... видишь нити судьбы?

— В моей коллекции – только самое лучшее! – заявил Цзе-Цзе.

Пророчица меж тем продолжала вытягивать нить. Длинную, очень. Длиннее, чем у любого человека в мире. Нить кольцами вилась вокруг Лин и пророчицы, и казалось, что в ее сиянии мелькают осколки прошлого. Пророчица тянула и тянула, взялась за нить второй рукой,

пальцами нащупывая нужное место. Лин невольно напряглась, подумав, что сейчас женщина видит ее прошлое, то, которое она хотела бы забыть.

Но пророчица не проявила к нему никакого интереса. Нашупав нужное место, она остановилась, нить натянулась. Тех, кто мог читать по нитям судьбы, во всей империи сыскалось бы пара человек, но Лин слышала о тех, кто мог оборвать нить вместе с жизнью человека. Пророчица держала в руках ее жизнь, и нить выглядела хрупкой, как весенний лед. Одно, маленькое усилие... Лин облизнула пересохшие губы и потянулась к раскрытой ладони.

— Ты не сможешь. — остановила ее пророчица. — Проклятие Небес нерушимо, оно надежно держит твою душу в этом мире. Твою нить не сможет оборвать никто. Она прочнее стали.

Лин не послушалась и дернула в том месте, где нить выходила из ладони. Ничего не произошло. Лин могла бы приложить больше усилий, но что-то подсказывало, что нить скорее лишит ее пальцев, чем порвется.

— Ты встретишь человека от крови своего врага. — меж тем заговорила пророчица. — Следуй за ним. И тогда тебе откроется истина.

— Что значит «откроется истина»?

— Получишь ответы на свои вопросы.

— Мне плевать на истину. И у меня нет вопросов, на которые нужны ответы. Предскажи что-нибудь полезное.

Пророчица не изменилась в лице, но по взгляду, резкому, как выпущенная стрела, Лин поняла, что задела ее.

— Тогда береги правую руку. — отрезала она и выпустила нить.

Та рассеялась в воздухе.

Глава 2. Бросить кирпич, чтобы получить нефрит

Бумажный журавль стремительным росчерком разрезал облака. Он увеличился до размеров лошади, поэтому Лин чувствовала себя на нем свободно, пока земля не исчезла из вида. Лин намертво обхватила шею птицы, коленями упиралась в бока с силой, от которой ныли мышцы. Позволь она себе расслабиться хоть на миг – и поток воздуха сорвал бы ее и швырнул, как увядший лист.

Ледяной ветер резал кожу, безжалостно рвал волосы и забирался под одежду. Облака подступали непроглядной стеной, и Лин не понимала, где верх, а где низ, летит ли она ввысь или же движется вдоль земли.

Журавль резко рванул вверх, и на Лин обрушился мертвый штиль. Ветер прекратился, и все звуки стихли. Такую мертвую тишину не услышать и в склепе. В месте, куда привел ее артефакт, не было людей, животных, насекомых, только полное ничто.

Бумажный журавль замедлил ход, теперь он плыл, как лодка в тихой реке, но и воды под ногами Лин не было. В воздухе парили цветки лотоса, неестественно-плоские, словно нарисованные. Впереди показался маяк – бумажная многоуровневая башня. У ее подножия сидела женщина, волосы полностью закрывали лицо, пальцы вырывали из пипы протяжные, надрывные ноты.

Артефакт мог доставить владельца по одному-единственному маршруту. Небесные чертоги.

Лин сошла у башни и остановилась напротив женщины. Та прекратила играть.

— Приветствую тебя, Мин, хранительница врат.

Журавль с шорохом вернулся к прежнему размеру, сложился в компактный бумажный квадрат и скользнул за пазуху Лин.

Хранительница врат издала удивленную ноту. Затем напряженный аккорд, который Лин расценила как приветствие. И после она исполнила мелодию, повинувшись которой башня и пространство с лотосами сложились, как карточный домик, и приняли форму просторного павильона.

Как и несколько столетий назад, Лин очутилась на золотой парящей платформе, в центре выгравированного цветка с десятью тысячами лепестков. Под платформой разверзлась бескрайняя, утопающая во мраке пропасть. Над ней же парили пьедесталы, один за другим заполнявшиеся небожителями. Похоже, посмотреть на нее вновь собрался весь пантеон. Сотни глаз обратились к ней. Лин ощутила знакомое покалывание на кончиках пальцев – чистая энергия вибрировала в воздухе, настолько мощная, что затрудняла дыхание. Сила одного бога была подавляющей, не говоря уже обо всех высших созданиях, собравшихся в одном месте. Лин однажды прошла через это. Но тогда она была достаточно безумна, чтобы игнорировать могущество творений самого мироздания, сейчас же она, как ей казалось, набралась благоразумия.

Медленно Лин опустилась на колени, но не согнулась, осталась стоять на них прямо.

— Право, вы меня смущаете, не стоило всем собираться из-за меня. – произнесла она без капли искренности.

Направленные на нее взгляды и без того были лишены дружелюбия, теперь же ожесточились окончательно. Только Мин, сидевшая на одном из пьедесталов, сыграла подряд несколько нот, напоминающих смех.

Древние письма – наложенное на Лин проклятие, летопись ее ошибок и преступлений, обвивавшее тело черной змеей – начали зудеть, почуяв близость их творцов.

— Наказание не пошло тебе в прок. – твердый, как камень, голос был тих, но его звучную вибрацию Лин ощущала словно из глубины собственного сознания.

— По прошествии стольких лет, ты осталась прежней. – произнес другой голос.

Еще бы, ведь вы позаботились, чтобы с нашей первой встречи я не постарела ни на мгновение.

Третий спросил:

— Ты – опухоль, годами изъедавшая мир людей. Страшное поветрие. Хуже любого демона. Явилась просить. Чего хочешь?

Лин нечего было терять. В самом деле, она осуждена много лет назад и до сих пор несет бремя проклятия Небес. Все люди должны умирать. Императоры прошлого опустошали казну на бесплодные экспедиции за эликсиром бессмертия, но Лин знала правду, не доступную им: бессмертие – это проклятие, не дар. Души умерших получали благословение, лишаясь памяти о прошлых жизнях, и рождались заново. Им давали шанс начать с чистого листа. Лин его лишили, заставив нести на плечах груз, который год от года становился только тяжелее, пока не расплющил ее по земле.

И все, чего она хотела...

— Позвольте мне умереть.

Лин сидела в зале из белого нефрита и ожидала приговор, который вынесет ей пантеон.

Большую часть залы занимал неглубокий бассейн с кристально чистой водой. На поверхности покачивались нежные кувшинки с белыми цветками лотоса.

Она присела у края бассейна. У противоположной стены над ним нависала статуя женщины. Ее руки были раскинуты, полы одежд и кисточки на широком поясе развевались. Голова женщины упиралась в полоч, волосы пребывали в движении. На лице читалась глубокая печаль. Лин от скуки смотрела на нее так долго, что поймала момент, когда из глаза выкатилась крошечная слезинка и упала в бассейн, пустив круги по воде.

Когда они растворились, Лин опустила взгляд на свое отражение.

И правда не изменилась. Долгие изнурительные странствия превратили ее в скелет, обтянутый тонкой, как весенний лед, кожей. Волосы испортились и потеряли длину, кончики теперь доставали до края лопаток. А в остальном – все та же Лань Лин, злобная мразь. Узкие, полные презрения, глаза, тонкий с горбинкой высокомерный нос и капризный излом рта.

Лин опустила ступни в свое отражение, и приятная прохлада пощекотала кожу. В зале было тихо и спокойно, ни одного лишнего звука не просачивалось из-за дубовых дверей. Веки в блаженстве опустились.

— Знаешь, чье это изваяние?

Шэнь, бог теней и тайн, покровитель творцов иллюзий, остановился чуть позади – Лин поймала его отражение в воде.

— Богиня по имени Ткачиха. – продолжал тот, приняв молчание за желание послушать стариковские байки. – Однажды она полюбила человека и спустилась в мир смертных, чтобы быть с ним тот короткий отрезок времени, что отпущен людям.

— Разве боги могут жить в материальном мире без сосуда?

— Она попыталась. – Лин услышала ноты печали. – И отчаянный поступок искалечил ее. Теперь она лишь дух, сильный, но не способный вернуться в Небесные чертоги.

— А что человек? Его душа могла переродиться бесчисленное количество раз.

— Увы, утративший воспоминания о прошлой жизни, в новой он стал совсем не тем, кого она любила. Поэтому ее история такая скорбная.

Лин не тронуло. Она не рыдала от сказок о чужой глупости. Лин равнодушно поплескала ногами, пропустила воду меж пальцев, наслаждаясь ее мягкостью.

— Знаешь, зачем я рассказал тебе ее?

— Просвети меня.

— Этот зал возведен в память о Ткачихе, что никогда не увидит дома. И пока еще никто не додумался мыть ноги в ее слезах.

Лин вытащила стопы из воды, неохотно.

— Это та самая Ткачиха, что властна над судьбами? Плетущая нити? Кто следит за нитями в ее отсутствие?

— Никто. Теперь каждый человек плетет свою нить сам. Может, это и к лучшему, что Ткачиха была низвержена. Иначе человеческая жизнь стала бы трагедией.

— С чего бы?

— Ах, Лань Лин. Истинная трагедия в том, что конец заранее предreshен. Каким бы сильным ни был человек, всегда найдется обстоятельство сильнее. Что бы ты ни сделала, чем бы ни пожертвовала – тебе не сойти с пути, написанного заранее, и сквозь боль ты просто несешься ему на встречу. Есть ли что-то печальнее?

Лин безразлично повела плечами. Если у ее нити был конец, ей хотелось бы знать, что написано на нем.

Она поднялась и, собравшись с силами, посмотрела в лицо богу, что пришел озвучить ей решение пантеона.

— Боги все еще прогневаны? Думают, что с меня недостаточно?

Прекрасное, какое может быть только у небожителя, лицо озарила теплая улыбка.

— Прошло триста двадцать семь лет. – ответил Шэнь. – И уже триста двадцать семь лет боги не держат на тебя зла.

— Для вечного создания этот срок – ерунда.

— Когда за плечами и впереди – вечность, ты понимаешь, что обида забудется рано или поздно. Может, пройдут века, но злость утихнет. Так зачем тратить время на то, от чего и следа не останется? Лучше простить сразу и не изводить себя.

Упрямое выражение, появившееся на лице Лин, сказало богу о многом. Она по-прежнему лелеяла свою ненависть, поддерживала угасающий огонь. Стоило ему ослабнуть, она раздувала его до бушующего костра. Миновала целая эпоха, история стерла с карт целые города, а этот маленький феникс продолжает петь песню ярости и обиды.

— Значит, бессмертие утомило тебя, Лин из рода Лань? – улыбнулся Шэнь.

Лин отвернулась. Скрестить взгляд с его отражением в воде было не столь болезненно – только так она могла выдержать давление высшего существа, она, пусть и не человек больше, но не божество, не демон и не дух.

— Все мои друзья давно мертвы...

— У тебя их никогда не было. – заметил Шэнь.

— ...И враги тоже.

— Найдешь новых. У тебя это всегда хорошо получалось.

Лин одарила его отражение убийственным взглядом.

— Пантеон одобрил твоё прошение. – примирительно сообщил Шэнь.

Лин словно ударили по голове. Вплоть до этого момента она даже не надеялась. Надежда была тем, что Лин утратила очень давно, ее попытки ухватиться за соломинку, что-то изменить происходили из упертости и нежелания признавать поражение. Она действовала инстинктивно, как цзянши, живой мертвец, тело, лишённое души идвигающееся по старой привычке.

Но, взглянув на мягкое, утонченное лицо небожителя, красивое и по мужским, и по женским канонам одновременно, на сожаление, морщинкой собравшееся меж бровей, Лин мрачно поинтересовалась:

— Условие?

— Разумеется, есть. – подтвердил ее опасения Шэнь.

Небожитель взмахнул рукой – взметнулась ткань рукавов – и письма на теле Лин пришли в движение. Оплетающая ее лента оторвалась от тела и принялась ястребом кружить вокруг Лин. Несколько символов мертвого языка, древнего, как сам мир, прочитать которые не смог бы никто из ныне живущих в смертном мире, стерлись. Прямо в это мгновение Шэнь

переписывал проклятие Небес, наложенное больше трех сотен лет назад, вместо исчезнувших появились новые символы. После чего проклятие вновь вернулось к Лин, забралось под одежду, запытало кожу.

— Найди и убей Девятихвостого лиса, величайшего врага Небес, что по твоей вине сбросил оковы и творит хаос в Нижних мирах. В момент, когда его оскверненная душа будет уничтожена, проклятие спадет, и годы снова будут идти для тебя. Можешь дожить людской век или убить себя в тот же миг – ты свободна в своем выборе.

Он действительно хотел, чтобы ее история длиной в три века наконец подошла к концу. Жестоко заставлять кого-то жить столь долго. Тем более кого-то вроде Лин, неспособного вышивать бегущее время нитью на шелке где-нибудь в горах, в покое и уединении. Ее жизнь всегда кипела и рисковала перегореть слишком быстро.

— А теперь прошу, отдай мне вещь, что привела тебя сюда. Подобный артефакт не должен был оказаться на земле, тем более – в руках демона.

Лин вложила бумажного журавля в протянутую руку небожителя, запоздало подумав, как ей вернуться на землю.

Прежде, чем Лин выдавила хоть слово, небожитель коснулся сложенными указательным и средним пальцами ее лба. В тот же миг Небесные чертоги рассыпались на мириады осколков и закружились в безумном танце, унося Лин в мир людей.

Глава 3. Увести овцу легкой рукой

Пантеон выплюнул ее в самой чаще леса.

Плотно сомкнутые ветки деревьев немного смягчили падение, но Лин все равно шарахнуло о землю так, что кости в ее исхудавшем теле опасно задрожали. Лин поднялась и отряхнулась.

— Гребанные отродья. – выругалась она, озираясь.

Ее обступали деревья, деревья и снова деревья, ни намек на место, куда забросил ее Шэнь. Густые кроны бросали тень на влажную землю, изрытую уродливыми корнями. Колючие кустарники ощерились шипами. В короткой щетине травы не спрятаться опасным пресмыкающимся, вроде громокобры. В таких лесах водились хищники крупнее.

Лин удостоверилась, что не потеряла кинжалы при падении. Одной проблемой меньше. Но у нее их было несколько.

Во-первых, ее пустой желудок, этот капризный алчный ублюдок, желающий получить что-нибудь существенней чая из Хуаньмэйчжоу. Бессмертное тело не нуждалось в еде и воде, жизнь в нем поддерживало проклятие. Но человеческие привычки брали свое.

Вторая, и самая главная проблема – предстояло подумать о том, как убить существо, вселяющее ужас в пантеон.

Лин закатала рукав обветшавшего халата и осмотрела вьющиеся по руке письма проклятия. Ее неподъемное бремя одновременно ее единственная защита. Даже если Девятихвостый испепелит ее тело, превратит в горстку пыли, ему не разрушить проклятие Небес. Цунь за цунем, кусочек за кусочком, оно соберет тело Лин воедино. Пока воля богов не будет исполнена.

Лин решила, что подумает об этом позже. Для начала ей нужно отыскать тысячелетнего демона, которого никто не видел больше трех веков.

С верхушки сосны открывался вид на спрятавшийся за пологим холмом город. Изогнутые крыши из черной черепицы протянулись до самого горизонта, над городской стеной развевался золотой флаг империи Тянься.

Поднебесная империя стояла на трех островах: Хань, Цин и Юэ. Царство Юэ опоясывали Ребра – торчащие из воды скалы, представляющие собой ничто иное, как драконьи кости. Часть из них скрывалась под водой, угрожая ходящим мимо судам. Ребра отрезали Юэ от других островов, суда к острову ходили реже, и карающая длань императора не дотягивалась до самых восточных земель. Юэ облюбовали пираты, работорговцы, наемники. И нечисть.

На востоке дома не строили выше пары этажей, не громоздили друг на друга уровень за уровнем. Город за лесом походил на огромный термитник, и Лин поняла, что волей Шэня оказалась на западе, в Хань.

Она двигалась в сторону города, на юг. Вдруг все ее тело инстинктивно напряглось. В мгновение ока воздух стал тяжелее и загудел от напряжения. Лин задрала голову. Отрезки неба, просвечивающие сквозь кроны деревьев, выглядели, как обычно. Но, если присмотреться, можно было заметить легкие волны, напоминающие круги на воде. Кто-то воздвиг защитный контур. Его использовали, чтобы оградить себя от демонов и духов. Или чтобы запереть их в пределах контура.

Лин не была демоном, но и человеком перестала быть очень давно. Защитный контур реагировал на проклятие на ее теле.

Слева послышались возбужденные голоса. Лин прислушалась. Насчитала троих, но, когда подобралась ближе, обнаружила шестерых. Все вооружены до зубов.

Юноши были облачены в черное, цвет храма Цилинь. Его служители, лицемерные убийцы, упрямо звали себя монахами, а тех, кто марал руки вместо них, убивая по указке – жнецами. Храм служил императору, уничтожая демонов на его земле.

Пятеро жнецов склонились над своим изрядно помятым собратом, вид он имел побитой собаки. В волосах путались комья грязи и листва – парня вывалили в грязи и хорошенько приложили, судя по набухающей щеке. Присмотревшись к нему, Лин узнала принца Мингуана, сына прежнего императора и брата нынешнего. Изгнанника, которого отвергла родная кровь. Щенка, выброшенного из дворца за попытку убийства Сюаньцзана, главного монаха храма Цилинь.

Лин видела его лишь однажды, в день рождения нынешнего императора Чжоу, когда праздничная процессия прошла по улицам столицы, сопровождаемая фейерверками и боем барабанов. Подобные зрелища проводились лишь по особым случаям и всегда собирали толпы зевак. Это был последний день рождения императора и последнее шествие в его честь. Спустя несколько месяцев монах Сюаньцзан решил, что простолюдинам воспрещено лицезреть лик избранника богов.

После побега принца Мингуана, жнецы разыскивали его по всей империи. Но попробуй найди призрака: в народе принц известен под именем Мингуан, а истинное имя, данное при рождении, знают лишь члены его семьи, уменьшенной жнецами храма Цилинь до одного человека. Портреты императорских особ писать запрещено. Народ и вовсе позабыл, как выглядит принц. И все эти годы он был под носом у Сюаньцзана, носил форму его ищек и наверняка назывался настоящим именем, полученным от родителей.

И теперь Лин смотрела прямо на него и не могла поверить своим глазам.

Потомок человека, захватившего ее страну. Потомок первого императора, объединившего три раздираемых междоусобицами царства в единую империю. Человека, отнявшего у Лань Лин все. Тот самый, что осмелился оскалиться на храм Цилинь. Этот человек не мог быть таким жалким.

Напряженная поза принца кричала о его страхе, рука, подрагивающая рядом с рукоятью меча, раззадоривала хищников, что готовились стаей броситься на жертву.

Принц атаковал первым. Он бросился на жнеца с вытянутым, словно у хорька, лицом, но путь ему преградил громила. Победитель был предрешен заранее. После недолгой возни принца снова вывалили в землю и листве. Когда он попытался встать, тяжелый кулак повалил его обратно, с хрустом сломав нос. В свите Хорька одобрительно засвистели.

Не то чтобы Лань Лин собиралась стать благодетельницей. И она никогда не мнила себя защитницей невинных. Но один из жнецов воздвиг заслон, пределы которого покинуть она не сможет.

Если я поколочу их, барьер ведь должен упасть?

Когда она вышла на поляну, к ней обратились шесть пар удивленных глаз. Прихвостни Хорька похватались за мечи, но застыли в неуверенности: Лин не выглядела опасным противником. Молча она помогла принцу подняться. Ему давно стоило уяснить: гордость – не для изгнанных принцев.

— Твоя знакомая, Тайсэн? – усмехнулся тот, что валял его по земле. Истинное имя принца Мингуана – Тайсэн, про себя подметила Лин. – Вечно ты подбираешь всякую дрянь с улиц. То твой чахлый лекарь, то эта маленькая шлюха.

Лин перевела на него взгляд. Вблизи его лицо показалось ей еще отвратительнее, чем издалика. Тонкая, надменная морда.

— Доставай свой меч. – произнесла она ровно. – Я нанесу тебе тысячу порезов, и ты подохнешь, умываясь кровью.

Повисло молчание. Такое долгое, что Лин намеревалась уже повторить последние слова, но тут голова Хорька запрокинулась и тишину разорвал издевательский хохот.

— Она еще и сумасшедшая? Тебе нравятся полоумные? Ты хоть знаешь, с кем говоришь?

— С кем? – без особого интереса спросила Лин.

На глазах Хорька от смеха выступили слезы.

— Ты говоришь с Наньяном из рода Цзин.

— Впервые слышу.

Наньян изумленно дернул мелким носиком.

— Ах ты...

— Хватит. – отрезал Тайсэн, заслонив Лин плечом. – Перестань. Можешь издеваться надо мной, но эта барышня тебе ничего не сделала. – он обернулся к Лин. – как ты очутилась здесь?

Лин пожала плечами.

— Охотилась. Почему бы нам не сделать это вместе?

Лицо Хорька перекошило.

— Проваливай отсюда, побродяжка. Здесь мужчины охотятся на демонов. Один из них – знаменитый Висельник, плетущий сети смерти.

— Но мы же охотились на лиса! – внезапно возразил один из жнецов.

Его заставили замолчать.

Наньян недовольно поджал капризные губы и нехотя процедил:

— Да, среди демонов был и лис. Эта мерзкая рыжая шкура гоняет нас уже битый час!

— То есть таких сильных и умелых мужчин заставила побегать одна облезлая лисица? – усмехнулась Лин.

— Он очень опасен. – возразил Наньян. – Не меньше четырех хвостов, а то и все шесть⁴.

— Но я насчитал всего два! – снова крикнул жалкий провокатор, и замолчать его заставили настойчивей.

Лин глубоко поклонилась, сжав одну руку в кулак и обхватив ее ладонью второй. Не разгибаясь, она почтительно, насколько смогла, сдерживая сочащийся из слов яд проговорила:

— Для меня будет честью охотиться рядом с сыном рода Цзин.

Тайсэн недоверчиво покосился на Лин. Помятый, вывалянный в грязи, с распухшим носом и кровавой коркой у ноздрей.

— Барышня, ты серьезно? – шепнул он Лин.

— Конечно нет. Сломаю ему нос при первой же возможности.

Они разделились. Лин отправилась к западу вместе с Хорьком и одним из его своры. Она не собиралась тратить время на поимку демонов, это развлечение для жнецов храма Цилянь. Лин лишь действовала по принципу «разделяй и властвуй», или, точнее «разделяй и бей». Со всей стаей она бы не справилась, а вот колотить по одиночке, пока под руку не попадет тот, кто воздвиг барьер – другое дело.

Шли в тишине, только трава шелестела под ногами и хрустели ветки.

— Нас слышно за десяток ли, – Лин обернулась на переговоры птиц-доносчиков, своими трелями возвещавших об их приближении, – так лиса не поймать, он наверняка уже вырыл нору и свернулся там.

— И не надейся, побродяжка. – проворчал громила. – Он крутил перед нами хвостами, даже когда в него летели стрелы.

Наньян ткнул его в бок, явно не желая вспоминать позорный факт лицемерия лисьего зада в своей биографии.

— Не нравится мне, что этот урод притих. – вновь заговорил его спутник.

Дальше они опять шли молча.

⁴ Чем больше у лиса хвостов, тем он древнее и сильнее

Лин ощутила легкое дуновение, движение слева. Инстинкты и отработанные на тысячах тренировок навыки помогли ей уклониться, когда Хорек внезапно атаковал. Извернувшись, она выхватила кинжал и направила в сердце противника, не церемонясь. Их двое, она одна. И ей не нужны дополнительные причины, чтобы прикончить ублюдка.

Острые распорол ткань на груди и оцарапало кожу. Наньян отскочил, зажимая рану.

— Ты чего, побродяжка. — захохотал он. — Мы ведь просто шутили.

Но, вопреки его словам, его спутник направил на нее меч. Лин встретила его кинжалом и пустила удар вскользь, заходя за спину. Жнец успел развернуться и отразить атаку. Они кружили, как звери, иногда делая выпады, чтобы проверить оборону другого. Пока Хорек и напарник не атаковали одновременно. Лин успела выхватить второй кинжал и развернуть их на противников. Но вместо того, чтобы валить ее на землю и добивать, они толкнули ее. Лин отлетела на несколько шагов, но устояла на ногах. Не сразу поняла, что произошло, только услышала свист и ощутила резкий рывок.

Ее подбросило вверх, плетение из золотых нитей впилося в кожу. Она повисла на дереве в сети, в которую ловят демонов. Хорек смотрел на нее, запрокинув голову и светясь от удовольствия.

— Мы ставили сеть на лиса, но ты куда лучшая добыча. Разделавшись с демонами, я принесу твою порченную шкуру принцу.

Лин не кричала, не барахталась и не проклинала его. Не собиралась доставлять Хорьку такую радость. Но мысленно костерила себя на все лады. Жнецы охотились здесь, почему она не подумала о ловушках?!

— Повиси немного, пока сильные и умелые мужчины поймают одну рыжую шкуру.

Лин смотрела на удаляющиеся спины, а после уселась поудобнее, перехватила кинжалы и принялась пилить сук. Золотую нить не могла разрезать и крепчайшая сталь.

Она зависла на высоте роста где-то трех с половиной взрослых мужчин и предвосхищала болезненное падение. Стараясь не думать об этом, Лин представляла, как превратит лицо Хорька в кровавое месиво.

Трава под ней зашевелилась. Лин подумала, что на нее набрел кто-то из свиты, но, когда опустила голову, увидела яркую рыжую шерсть и два хвоста. Лис замер, заметив ее.

Некоторое время они просто таращились друг на друга, удивленные в одинаковой степени.

— Кажется, ваш союз распался. — притворно-скорбно заметил лис.

— Заткнись. — огрызнулась Лин. — Сейчас я спущусь и сниму твою вонючую облезлую шкуру.

— Ах, прекрасная орхидея! Как жаль, что ты сделана из льда⁵!

Лин захотелось метнуть в лиса кинжал, но она была не в том положении, чтобы разбрасываться оружием. Она принялась пилить сук энергичнее.

— И кстати, я вовсе не облезлый!

Лис даже повертелся, показывая, что нигде не словил стригущий лишай, а после унесся, смеясь.

Лин пилила и пилила, пока сук не затрещал, и сеть не влетела в ствол. Лин глубоко вдохнула и перерезала последние волокна, держащие ее на весу.

Приземление оказалось болезненней, чем она рассчитывала. В полете Лин попыталась сгруппироваться, но все равно упала на плечо. Послышался хруст. Лин сцепила зубы, чтобы не закричать от прострелившей плечо боли.

Ты умрешь, гребаный Хорек, умрешь мучительно.

Лин с трудом села. Морщась, ощупала руку.

⁵ В имени Лань Лин иероглиф «лань» означает «орхидея»

— Один хрен, или сломана, или вывих. – прошипела она себе под нос и изо всех сил дернула за кисть.

Снова боль, хруст, и кость встала на место. Лин промычала пожелания Хорьку и его предкам покрыться гнойниками, после чего встала на ноги. Рука пульсировала, но слушалась.

Лин свернула к северу, куда ушел Тайсэн с двумя сопровождающими. Наверняка он тоже уже болтается в сети.

Ловушки на демонов обычно ставили с определенным интервалом, так что общий рисунок походил на паучью сеть. Когда Лин едва не угодила на дерево, поняла, что Хорек знать не знает ни о какой системе. Двигаться Лин стала осторожнее.

— Эй, вот она! – крик распугал рассеявшихся на ветках воронов.

Не может ее удача быть так плоха.

Над макушкой Лин просвистела стрела. Развернувшись, она метнула кинжал на голос, и тот со стуком вошел в плоть. Парень упал, дико вопя:

— Сердце! Мое сердце...

Хруст веток и обрывки фраз – его напарник приближался. Лин выдернула кинжал и приложила к ране руку парня, бросив:

— Зажимай, если не хочешь умереть. И сердце с другой стороны.

А после бросилась со всех ног, виляя из стороны в сторону, когда стрелы летели ей в спину.

Впереди показался овраг и Лин нырнула в него, проскользила вниз, тормозя падение пяткой сапога. Оказавшись снизу, Лин юркнула в дебри...

И нос к носу столкнулась с нечеловеческим существом.

Это был юноша в голубовато-белых, измазанных грязью и кровью одеждах. Издалека его можно было бы принять за человека, но вблизи Лин ясно видела переливающуюся бледную чешую на щеках, необычно широкие зрачки в нечеловеческих круглых глазах. Перепончатые руки прижимали к груди свернувшуюся в комок змею.

Парень-рыба вытаращился на нее, крепче прижал змею к груди и собирался закричать. Лин мигом зажала ему рот: сверху зашевелилась трава, а после звуки стихли. Лин понадеялась, что преследователь предпочел жизнь товарища поимке безумной девицы с ножами.

— Я сейчас уберу руку, и ты не издашь ни звука. – прошипела Лин.

Дух активно закивал головой. Лин же отступила на шаг.

— А теперь беги. Я сделаю вид, что не видела вас двоих.

Дважды повторять не пришлось. Лин смотрела вслед беглецам и думала, зачтется ли ей проявленное милосердие к карме. В конце концов, когда воля Небес будет исполнена, а проклятие – снято, Лин еще предстоит перерождение. Время подумать о своей душе.

Выследить Хорька ей не составило труда. Вытоптанная трава, нещадно разрубленные кусты и зарубки на деревьях – кажется, кто-то был не слишком удовлетворен результатом охоты.

Первое, что увидела Лин – Тайсэн, еще более потрепанный, чем раньше. Зажимая кровоточащую рану на боку, он припал к дереву и тяжело дышал. Из рта стекала тоненькая струйка темной крови. В паре шагах от него валялся сопровождающий.

Хорек и громила застыли напротив.

Второй успел лишь обернуться на шорох, когда его бедро обжег росчерк стали, а меч сбили с пояса. Рукоятью его же меча Лин ударила в висок, и юноша повалился на землю.

— Нет, стой! – выкрикнул Тайсэн, но его проигнорировали.

Наньян выхватил стрелу, натянул тетиву и направил на Лин. Наконечник смотрел ей в грудь. Острие обнаженного меча вжималось в ткань черных одежд чуть выше пупка. Лин оскалилась.

— Лук бесполезен в ближнем бою. — лениво протянула она. — Так что либо хватай стрелу и пытайся меня заколоть, либо не позорься.

— Ты не посмеешь меня тронуть. — Хорек опустил оружие. — Я — один из лучших адептов храма Цилянь, меня признал сам Сюаньцзан...

— Давай без регалий.

— Если хоть волос упадет...

— Кто узнает, что это была я?

Прожигая ее полным ненависти взглядом, Хорек отшвырнул лук, снял колчан и отправил следом.

— А теперь перевяжи своего подхалима, ты же не хочешь, чтобы он истек кровью и помер?

— Барышня, остановись! — Тайсэн отлип от дерева и сделал два прыжка к ней на здоровой ноге. Вторая, вывернутая под пугающим углом, влачилась за ним. — Он мне ничего не сделал, здесь демон!

— Нет здесь никаких дем...

Лин осеклась.

Она его почувствовала.

Темная энергия настолько плотная, что озноб берет. И смрад, душный и едкий. Он пах как мертвец, пролежавший во впалой листве, сгнивающий и кишачий личинками.

К ним приближался вепрь. Огромная туша с длинным жестким ворсом и алыми глазами навыворот заметила их. Его клыки были размером с предплечье Лин.

— Бегите. — сказала она Наньяну. Он обделен благородством и точно не станет геройствовать.

Хорек подхватил сопротивляющегося Тайсэна и поволок прочь.

Лин держала вепря взглядом. Порой хищники и крупные звери даже не встречаются в бою. Они смотрят друг другу в глаза, бросают вызов, и между ними происходит безмолвная борьба. Они выясняют, кто сильнее. Лин смотрела в упор, в руках сжимая по кинжалу. Она силилась глазами показать: я сильнее. Свирепее. Уходи. Уходи, и останешься жив.

Что ж, Лин убедила его, что она не жертва. Тот, что убегал от него — вот, кто его дичь.

Тяжелая неповоротливая туша вспорола копытами землю и бросилась к Хорьку. Лин побежала наперерез, выронила кинжал, чтобы одной рукой ухватиться за торчащий клык, второй вонзила кабану под подбородок, и на миг их глаза встретились.

На миг, после которого у Лин в глазах потемнело. Вепрь врезался ей в живот. Лин упала на землю, внутренности скрутило, и ее вырвало на собственную грудь. Лицо накрыла тень — Лин перекатилась, и копыта твари вмяли землю. Лин выхватила кинжал из сапога, вскочила на ноги и прыгнула на вепря. Обхватила его ногами, впиалась зубами в жесткую щетину и колола его острием. Вепрь издавал леденящие душу вопли, верещал, как свинья на убой, метался и бился.

Лин уколола не меньше двух десятков раз, пока вепрь не завалился на бок и перекатился. В последний момент Лин отскочила, чудом не превратившись в фарш под неподъемной тушей. Зашла со спины, нанесла несколько быстрых, точных ударов. Вепрь взвыл. Он разбрызгивал густую, горячую кровь. От кислого металлического запаха мутило.

Их сражение превратилось в череду ударов, чавканья плоти и пронзительного пороссячьего визга. В пылу борьбы Лин не чувствовала боли и не замечала ран, но несколько она все же получила: теперь только одна ее рука могла сжимать кинжал, вторая будто лишилась кисти. По спине текло больше крови, чем было пролито у вепря. Лин промокла от крови и пота, залитая густой жижей одежда прилипла к телу, кровь брызнула в лицо. Лин стерла ее с бровей, пока не полилось в глаза, перевела дух и кинулась в атаку, пока дух не успел перевести вепрь. В какой-то момент тварь попыталась спастись бегством, поняв, что нелепое тонкое животное

на двух конечностях опаснее нее. Лин нагнала и добила вепря несколькими ударами. Вепрь упал, жизнь хлестала из него вместе с кровью, растекалась по примятой траве. Лин выдернула кинжал из подбородка, вепрь издал предсмертный визгливый стон и затих.

Лин дотронулась до зверя, убеждаясь, что он больше не дышит. Сама она содрогалась от тяжелого дыхания.

Застывший в нескольких чжанах⁶ Хорек таращился на нее со смесью ужаса и отвращения.

— Из рода Цзин ты или еще каких кровей, — прохрипела Лин, с трудом переводя дух, — еще раз назовешь меня иначе, чем «Лань Лин», и я убью тебя.

Путь до города осложнился раненым принцем, повисшем на плече Лин. Позади тащился Хорек, поддерживая прыгающего на одной ноге громилу.

Ковыляли они молча, но мысленно Лин прокляла и принца, и жнецов, и даже Ткачиху, что сплела ее нить судьбы. Мастера изящных речей назвали бы юношу стройным и статным, как кипарис, но этот красавчик весил, как откормленный хряк. Лин взмокла, и от соленого пота раны невыносимо щипало. Когда вепрь успел исполосовать бивнями ей спину?

Вывеска на городской стене гласила «Оуян», и Лин окончательно убедилась, что пантеон перенес ее на земли острова Хань.

Пестрый людской поток принял их, смешал с собой. Если кто и озирался на залитую кровью девицу и корчащихся от боли жнецов, то тут же забывал, поглощенный царящим вокруг хаосом.

Запах корней лотоса смешивался с ароматом жареных утиных лап и вливался в какофонию из острого тофу, бобовых пирожков и потрохов. Мимо проносились хохочущие ребячьи стайки. Над головами вспыхивали яркими красками воздушные змеи. Пухлощекие малыши на руках у родителей жадно проглатывали засахаренный боярышник. На центральной площади в праздничных красно-золотых палатках демонстрировали необразованной толпе дешевые фокусы, выдаваемые за магию. Дома тесно жались друг к другу, внутри гремела посуда, снаружи на ступенях пускали горьковатый дым мужчины. Все как один, истощенные, с болезненно-желтой одрябшей кожей и выступающими ребрами, торчащими из наброшенного на плечи халата.

— Сюда. — просипел принц, указав на место, где улица расширялась, а дома расступались перед храмом Цилинь.

Храмы под патронатом Цилиня были разбросаны по всей империи, в каждом городе находился если не форпост, то крошечное святилище с парой обслуживающих его монахов. Здесь, в Оуяне, находилась школа для обучения жнецов.

Храм опоясывала каменная стена, но ворота были гостеприимно распахнуты для прихожан: в Цилине люди могли вознести молитву любому из пантеона, вместо того чтобы разыскивать святилище нужного им бога. В главном здании к северу от врат дымились палочки воскуряемых благовоний. Лин заприметила несколько фигур, склонившихся к ногам золотой статуи, прежде чем нырнуть в крытую галерею и пройти к восточному двору сыхэюань.

Принц указал ей нужное строение, и, отодвинув дверную створку, Лин втащила Тайсэна внутрь, уже предвкушая, как сбросит его с себя. В нос тут же ударил резкий запах лекарств и трав. Большую часть помещения занимали забитые горшками и колбочками шкафы. По всей противоположной стене растянулся шкаф из темного дуба, усеянный одинаковыми ящиками-ячейками, как улей пчелиными сотами. Стены завешивали изображения людей без кожи во всех анатомических подробностях, в срезе, отдельные органы. Можно было подумать, что Лин заманили в логово серийного убийцы, но это оказался всего лишь рабочий кабинет лекаря.

⁶ Один чжан равен примерно трем метрам

В смежной комнате, отделенной завесой из лакированных бусин, на койках лежали жнецы, выбравшиеся из леса раньше, в том числе тот, которого проткнула Лин.

— О боги! О боги! – причитал низкорослый толстый старик. – Кого еще принесло?!

Он выглянул из-за позвякивающей завесы и побледнел.

— Да что же это сегодня? Цзяньлэ! Помоги!

Вслед за стариком показался высокий худощавый юноша с подвязанными рукавами, в заляпанном кровью мшисто зеленом ханьфу. Он принес с собой запах трав и чего-то сладковатого, как нектар, на который летят пчелы. Юноша был хорошо сложен, но худощав и угловат, с резко выступающими костями: челюстью, ключицей, плечами, локтями, даже костяшками длинных паучьих пальцев.

Старик увел Хорька и громилу к койкам. Юноша потянулся было к Лин, видимо, в его глазах она выглядела почти умирающей, но она поспешно перебросила принца ему.

— Кровь не моя. – пояснила Лин в ответ на вопросительный взгляд лекаря.

Юноша увел Тайсэна в соседнюю комнату. Почти сразу из нее показался старик и проводил Лин к купальне, выдав одежду, мыло и полотенце.

Принять ванну впервые за долгое время оказалось приятным. Горячая вода расслабила мышцы и ненадолго унесла боль. С удовольствием Лин избавилась от рубахи, пропитавшейся зловонной кровью. Но облегчение долго не длилось: усталость и боль, что она не замечала целый день, навалились на плечи. Лин давно не чувствовала себя такой потрепанной и старой. Того и гляди начнет сетовать на ноющие кости. Лин долго смывала с себя кровь, прежде чем забраться в деревянную купель и расплыться в блаженной неге.

Она смотрела на изуродованную вепрем руку и вспоминала предупреждение пророчицы. Уголок рта нервно дернулся. Неужели все было предрешено, и встреча с вепрем действительно написана на ее нити? И, если так, то отнятые жизни, совершенные ею преступления и три сотни лет проклятия, которыми она расплачивалась – все было напрасно? Конец и правда был заранее известен? Теперь Лин поняла слова Шэня. Действительно трагедия.

Как и предрекла пророчица из Хуаньмэйчжоу, Лин встретила человека от крови своего врага. Она недолюбливала храм Цилинь, его стены казались капканом, готовым вот-вот схлопнуться над ее головой. Но что, если принц приведет ее к Девятихвостому? Что, если это и есть истина, которую она должна найти?

В любом случае, у Лань Лин было все время мира проверить свою догадку.

Переодевшись, она вернулась в кабинет лекаря.

— Иди за мной. – бросил Цзяньлэ.

Он пытался изобразить дружелюбное выражение лица, но его выдавал холодный неприязненный взгляд. Лань Лин ему не нравилась.

Около дальней койки Цзяньлэ выставил бамбуковые ширмы.

— Тебе придется раздеться.

Лин послушно отстегнула кинжалы от пояса, бросила на письменный стол. С шелестом разлетелись исписанные мелким аккуратным почерком страницы.

— Нужно осмотреть твою спину. Но, если ты стесняешься...

— Тебе придется постараться, чтобы смутить меня. – буркнула Лин.

Она распустила пояс, сбросила нижние одежды, оставшись в одних штанах, стянула сапоги и пинком отправила их прочь от глаз. Упала на простыни, пропахшие травами. Поморщилась. Запахи напоминали ей о полевых госпиталях и мазях для бальзамирования трупов.

— Не могла бы ты перевернуться?

Лин неохотно разлепила веки. Цзяньлэ навис над ней тенью, руки сжимали баночку с чем-то таким же вонючим, как его одежда.

Лекарь был достаточно худощав: в широких рукавах ханьфу руки казались совсем тонкими. Но его худоба была не от голодной жизни. Будь Лин поэтом, сравнила бы юношу с моло-

дым побегом бамбука. Но к искусству она всегда относилась равнодушно, поэтому на ум пришли только слова, которые некогда говорили о ней самой – «изящные кости».

Лин с усилием перевалилась на живот, и в том, как Цзяньлэ втянул воздух, ей послышалось удивление. Благодаря наложенному Небесами проклятию раны заживали на ней, как на собаке. Вместо свежей рассеченной кожи на спине остались уродливые бугры с кровавыми корками.

Цзяньлэ ничего не спрашивал и не говорил. Он действовал быстро и бесшумно, пальцы порхали над изуродованной кожей подобно невесомым бабочкам. Иногда щипало.

— Присядь, пожалуйста.

Лин позволила себе лукавую улыбку.

— Что, не рассмотрел?

Цзяньлэ сдержанно промолчал.

Она старалась не кривиться и не шипеть, пока он ощупывал кисть. Когда же начал вправлять кости, Лин пришлось закусить губу, чтобы не радовать гребаного эскулапа криками. Каждый выверенный рывок отзывался болевым импульсом, простреливающим позвоночник. Лин жалела, что у нее на руке так много пальцев.

В конце экзекуции ее кисть туго стянули бинты. Здоровой рукой Лин со злостью оттолкнула Цзяньлэ и завалилась обратно на постель. Цзяньлэ так и остался сидеть, разглядывая ее, изучая, как диковинного зверя, случайно попавшего в капкан.

— Ты собираешься спать здесь?

— Прогонишь?

— Нет. – Цзяньлэ поднялся. – Раны выглядят ужасно, но они не опасны. Ты не умрешь.

Наверное, так он успокаивал всех своих пациентов. Несмотря на ободряющие слова, вид у Цзяньлэ был такой, словно он уже провел для Лин панихиду.

Плотнее сдвинув ширмы, Цзяньлэ вернулся к другим раненым.

Лин несколько раз перевернулась в поисках удобной позы. Лежать на правом боку было невыносимо: хоть вепрь и раздробил ей только кисть, боль от нее ползла до самого плеча. Прежде, чем уснуть, она долго ворочалась. Лин ненавидела бездействовать. Она куда-то мчалась, падала, набивала шишки, получала шрамы, летопись ее бесконечных ошибок, поднималась и неслась дальше, лишь бы не на секунду не останавливаться, не оглядываться назад. Позади была только тьма.

Ты не умрешь.

А жаль.

Глава 4. Прикидываться безумным, сохраняя рассудок

Тайсэн восстанавливался мучительно медленно. День утек за днем, а принц пропитывал холодным болезненным потом простыни своей койки в общих спальнях. Хоть Цзяньлэ и вправил ему кость в первый же день и прибинтовал ногу к двум дощечкам, прошли недели, прежде чем Тайсэн встал на костыли и смог перемещаться по храму. Все эти дни Лань Лин притаилась под одной с ним крышей, выжидая очередной знак судьбы.

В жнецы посвящали только мужчин, и койки в жилых зданиях для Лин не нашлось, поэтому она так и осталась в лекарском дворе, служить при старике. Пользы от нее было мало – большую часть работы выполнял Цзяньлэ. Она же просто сопровождала его в город, до аптек, в лес за травами. Подавала бинты и скальпели, протирала опустевшие банки, пока Цзяньлэ измельчал, тер в порошок, выдавливал сок или нарезал коренья.

Храм Циляня в Оуяне защищал от демонов всю провинцию, посылая жнецов в разные ее концы, везде, откуда приходили письма с жалобами на нечисть. И госпиталь пополнялся регулярно.

Временами Лин одолевала скука. Днем она донимала Цзяньлэ, треща ему в уши без передышек, он же делал вид, что ее не существует. Ночами выбиралась на крышу смотреть на гаснущие в окнах домов огни и зажигающиеся ряды фонарей на улицах. Теми ночами, когда в госпитале дежурил старик. В дни ночного дежурства Цзяньлэ Лин вела себя осторожнее.

Он не доверял ей. С той ее первой ночи в храме, когда поймал Лин рядом со спящим громилой. Рана на его бедре была плоха, гноила и кровоточила даже зашитая аккуратными стежками, и жнеца оставили в госпитале под присмотром. Во сне он стонал. Лин никак не могла уснуть. Ее знобило, еще и его стенания то и дело спугивали сон... Лин поднялась и выглянула из-за ширмы. Сквозь завесу из бусин просачивался теплый свет свечи, а на стене сгорбилась над бумагами бледная тень. Лин подошла к койке и склонилась над жнецом. Он избил Тайсэна, своего товарища, поддерживал его травлю, атаковал Лин... Он бы убил ее, не задумываясь. Почему должна задуматься она?

— Что ты делаешь? – раздалось неподалеку.

Лин замерла. Перевела взгляд на вставшего в круглом проеме Цзяньлэ.

— Он стонал во сне. – сказала Лин, разогнувшись. – Хотела помочь.

— Помочь замолчать навек?

Лин дернула плечами и отбросила в сторону взятую с пустующей койки подушку. Сложно выглядеть безобидной, склонившись над спящим с орудием удушения в руках.

Что ж, после увиденного, Цзяньлэ имел право не доверять ей. На следующую ночь в госпитале остался старик, и Лин смогла прокрасться к окну. Морщась от боли в руке, она выбралась на карниз, босыми стопами ощутила черную черепицу крыши. Оттуда она видела главный двор, днем встречавший прихожан. С восточной стороны располагался лекарский двор, на западе – тренировочные павильоны, а на юге – жилые здания. По крышам крытых галерей Лин ночь за ночью перебиралась из одного двора в другой, осматривая, запоминая. Однажды она пробралась в спальни комнаты и следила за неровным дыханием спящего Тайсэна. Выкрала тушь и кисть у старика-лекаря и нарисовала усы и жиденькую бородавку Хорьку.

Лин позволили оставаться в храме до тех пор, пока ее раны не заживут. Рубцы на спине быстро затянулись, оставив после себя лишь белые борозды. Когда Цзяньлэ отвлекался, Лин пробиралась во двор и камнем дробила кости в правой кисти. От боли сводило челюсти, а зубы сжимались так, что грозили раскрошиться. Цзяньлэ приходилось заново собирать ее косточки в подобие ладони и накрепко бинтовать.

Впрочем, в жизни в храме были и свои плюсы.

От нее пахло лавандовым маслом, а не потом и кровью. Вечером ждал горячий сытный ужин. Не нужно было сражаться, убегать, скрываться, обагрять кинжалы. Лин внезапно поняла, что ей нравится жизнь домашней кошки. Бывало, она забывала, что отличается от окружающих ее людей. Лекарский двор стал местом, где имя Лань Лин не запятнали годы бесплодной борьбы и принесенных жертв. Убежище, отрезавшее ее от прошлого, здесь оно не могло ее найти, не могло переступить порог, его власть рассыпалась под выцветшей черепичной крышей.

Это и есть та истина, которую обещала ей пророчица?

За прошедшие два месяца Цзяньлэ так и не смог разобраться в своем отношении к Лань Лин.

Он проводил дни, штопая, отпаивая, собирая гной, борясь с лихорадкой. Цзяньлэ не жаловался, то была его работа. Но он ненавидел, когда к его работе относились с пренебрежением.

— Постарайся меньше задействовать сломанную руку. – цедил он сквозь зубы. Пришлось призвать все терпение, каким он располагал, чтобы говорить сдержанно и не рычать. – Продолжишь в том же духе – и на заживление можешь не рассчитывать. Молись, чтобы не пришлось отрезать.

— Отрежьте ее, доктор. – смеялась Лань Лин. – Я хочу приделать на место культя крюк. Цзяньлэ закатил глаза.

— О боги, Лань Лин!.. Это же естественный рефлекс – не делать того, что причиняет боль! Я не верю, что тебе не больно шевелить сломанными пальцами.

С первого взгляда Цзяньлэ понял, что характер у нее вздорный и невыносимый, но Лин, кажется, поставила цель убедить его окончательно.

Она то ела грязными руками с колени, то вдруг становилась капризной особой и требовала нарезать ей помельче, видите ли, неудобно нанизывать на кончик кинжала и невозможно жевать. То валялась в грязи с энтузиазмом бойкой свинки, то жаловалась на вонь лекарств. То строила недотрогу, прижимая кинжал к бьющейся венке на шее случайного парня, решившегося невзначай коснуться ее плеча, то посещала бойцовую яму, где ее трогали не только за плечи.

Бойцовой ямой назывался огромный подвал под жилыми комнатами, где жнецы могли сбросить напряжение, биться грязно, не как на тренировочных площадках под присмотром монахов, а как дикие звери. Подвал вмещал в себя несколько десятков зрителей и двоих борцов, пытающихся уложить друг друга на лопатки в центре образовавшегося круга. Жаровни не справлялись с прогревом такого огромного пространства, но бойцовая яма остывала только ночью, когда ее не согревало дыхание зевак и жар бойцов. Лин выперлась на ринг и победила пятерых подряд, ликующе хохоча после каждого унижения противника. Она была невысокой, но быстрой и проворной.

Цзяньлэ ходил в бойцовую яму не для того, чтобы посмотреть, как здоровенные мускулистые парни раздеваются по пояс и борются с Лань Лин, раздетой в той же степени, что и ее противники – на радость публике. Цзяньлэ с собой таскал Тайсэн, в спокойные дни, когда работы было немного. Принц был очарован Лань Лин. Не как мужчина, как ребенок, нашедший кумира. Целыми днями Цзяньлэ только и слышал: Лань Лин то, Лань Лин се...

— Она говорит, что хочет, и делает, что хочет. Мне она нравится.

Цзяньлэ скривился, словно под нос ему сунули столетние яйца.

— Она невыносима. Невоспитанная и вульгарная.

— Лин очень умная.

— Не когда размазывает пот по голой груди.

Ее излюбленный провокационный жест, после которого зрители неистовствуют.

Лань Лин ввалилась в комнату, уселась рядом с Цзяньлэ и принялась жевать маньтоу, явно украденную у торговца на рынке. Поймав на себе осуждающий взгляд лекаря, Лин как ни в чем ни бывало поинтересовалась у Тайсэна:

— Что у Цзяньлэ с лицом? У него запор?

Тайсэн не прыснул исключительно из уважения к другу.

— ...Я терплю ее только из-за тебя. – процедил Цзяньлэ.

Лань Лин была непохожа на девушек, которых когда-либо встречал Цзяньлэ. Женщин в империи воспитывали в строгости. Каждое царство установило свои традиции, но неизменными оставались прививаемые с детства скромность, покорность и молчаливость. Женщине полагалось быть утонченной, во всем слушаться отца, мужа, а потом и сына. Крестьянские дочери были несколько свободнее в плане условностей, но и им предъявлялись те же требования – ведь они хотели выйти замуж, верно?

Стоит ли говорить: все эти качества были полной противоположностью того, что из себя представляла Лань Лин. Стоило ей войти в помещение, как она тут же заполняла собой пространство. Лань Лин невозможно было не заметить, она хохотала так, что выпитое вино выливалось у нее из носа. А пила она явно больше полагающейся женщине «одной пиалы вечером для хорошего сна».

О скромности она, вероятно, знала только понаслышке. Сложно вообразить другую женщину, которая бы стояла посреди ринга босиком, в одних штанах, с небрежно завязанным узлом волос, на виду у сотни мужчин, и бесстыже разглядывала раздевающегося соперника, при этом подначивая его фразочками вроде:

— Ха, да у тебя сиськи больше, чем у меня!

Цзяньлэ просто не знал, что ему чувствовать.

Однажды Лин застала редкую сцену – Тайсэн и Цзяньлэ упражнялись на мечях. Принц уже достаточно твердо стоял на выздоравливающей ноге, но драться с другими жнецами не решался. Лин его понимала: после увиденного в лесу она не сомневалась, что в первом же тренировочном бою ему заново сломали бы ногу, настолько жнецы любили принца.

Тайсэн великолепно владел мечом, он дрался технично и без промедлений. Цзяньлэ же на памяти Лин оружия не касался. Кроме отравленных игл и короткого кинжала, который он прятал в голенище сапога. И теперь Лин поняла, почему: с мечом лекарь обращался с ловкостью калеки. Его движения были до того неумелы и нелепы, что Лин расхохоталась. У нее появилась новая тема для насмешек, и она крепко ухватила за нее.

В один из вечеров она подначивала Цзяньлэ, предлагая сразиться с ней. Лекарь ошарашил ее, согласившись.

На следующий день Лин с удовольствием извлекла из ножен кинжалы. На правой руке пальцы сгибались через адскую боль. Рука должна была зажить, но Лин опасалась, что, как только она окончательно исцелится, ее выставят на улицу.

Лин со вздохом вогнала кинжал обратно в ножны. Чтобы победить Цзяньлэ, ей хватит и одного. Она видела, как он сражается – как гребанный евнух, слепой на оба глаза и без одной ноги. Лин отделала бы его с закрытыми глазами и с завязанными руками.

Тайсэн присел на ступени рядом с ней и показал тонкий рулон бинтов и коробушку мази.

— Цзяньлэ просил обработать.

Лин безучастно дернула плечом и протянула принцу руку. Она считала мази бесполезными – кости либо сами срастутся, либо нет.

Тайсэн бережно размотал старые бинты, втер мазь. Немного помедлил, решая, нужно ли втереть всю или только часть, и на всякий случай размазал по коже остатки. Лин взглянула на кисть. Не так плохо, как она думала. Не видать ей крюка на месте культи.

— Полей мне на руки, пожалуйста. – Тайсэн понюхал пальцы и поморщился.

Лин вылила содержимое своей тыквы-горлянки, чтобы принц смог избавиться от горечи трав на пальцах. Он, в отличие от нее, мог это сделать. Лин же была обречена избегать подносить правую руку к лицу.

Цзяньлэ ждал ее на тренировочном поле. Он пришел безоружным и стоял, сложив руки перед собой, сквозь маску непоколебимого спокойствия не читалось ни одной эмоции.

Вокруг уже собирались зеваки, звучал подначивающий свист. Лин прошла в центр круглого ринга, образованного людьми, делано-безразлично оглядела собравшихся и обронила:

— Нам понадобится больше места, господа.

Ее появление встретили одобрительными выкриками, а реплику – смехом и свистом. Даже сквозь них она слышала звучащий громче других тихий голос Цзяньлэ:

— Позерка.

Лин подняла руки, призывая к шуму и овациям. Она заводила толпу, знала, что нужно делать. Когда-то это обернулось мечом в одном цуне⁷ от сердца, но сейчас Лин чувствовала себя хозяйкой положения. Она держала их эмоции в руках, управляла ими, дергая за нити, как бестолковыми марионетками. В прошлом она путала поклонение с любовью. Теперь не обманывалась – ее не любят. Всего лишь приветствуют должным образом, когда она выходит ради них на сцену. Когда же сойдет с подмостков, о ней забудут.

— Не передумал? – крикнула Лин Цзяньлэ, стоящему в чжане от нее. – Твой последний шанс избежать позора.

Цзяньлэ выждал, пока зрители перестанут бесноваться, и тихо, своим обычным ровным тоном, произнес:

— Ты очень добра, но нет. – он повернулся к публике. – Могу я попросить одолжить мне меч?

Никто не шелохнулся. Лин не скрывала усмешку. Она выдерживала театральную паузу, чтобы самой потребовать меч для него, зная, что ей отдадут по первому требованию. Ее план разрушил Тайсэн: с сомнением он протянул другу меч. С каждым мгновением затея нравилась ему все меньше.

Цзяньлэ едва смог поднять настоящее оружие. До этого он упражнялся только с деревянным, да и то скорее служил мишенью, чтобы принц мог отработать удары. Цзяньлэ вышел в центр круга, обнимая меч, как любовницу: протащить оружие по земле означало нанести тяжелое оскорбление.

Лин снисходительно ждала, пока Цзяньлэ возился с ножами. Когда он закончил, острое меча вонзилось в землю. Жнецы перебрасывали по кругу смешки.

— Можешь использовать любые приемы, применять любые техники. Я буду драться только кинжалом.

Лин надеялась, что такое унижение он не стерпит, но тон Цзяньлэ оставался сдержанным:

— Благодарю за великодушие. Ты начнешь?

Лин атаковала. Не стала топтаться на месте, кружить, как хищница, выискивая слабые места. Глаз у нее наметан, она видела, как Цзяньлэ обращался с мечом до этого, и сделала необходимые выводы. Надо быть осторожной, чтобы не прирезать случайно, а то тыквы-горлянки не хватит собрать слезы принца.

Цзяньлэ неуклюже уклонился. В обычных условиях кинжал сложно противопоставить мечу, но в первые же секунды перевес явно оказался на стороне Лин. Она атаковала даже не вполсилы, он же только уворачивался, иногда, в особо опасные моменты, когда кинжал мог ранить его, он поднимал меч. Звон стали о сталь, звонкий и чистый в умелом поединке, звучал пронзительно, как надрывный скрип.

⁷ Цунь – около 3 см

Несколько раз Лин пинком выбивала из кисти меч и ударом ноги в живот отправляла Цзяньлэ валяться в пыли. Тут же отступала, глуша хищнический инстинкт добить жертву. Она ждала, когда благоразумный лекарь прекратит собственное избиение и сдастся, но Цзяньлэ с завидным упорством поднимался на ноги и кивал, разрешая продолжать.

В поединке не было смысла. Победитель заранее известен, до скучного очевиден. Но жнецам нравилось, они взывали каждый раз, как Лин удавалось особо смачно приложить Цзяньлэ. Да, он не пользовался у них популярностью.

В какой-то момент Лин начала замечать, что потеет. Сильно. Странно, ведь она даже не напрягалась. Солнце же светило ярко, но не дарило жара.

Она подалась к Цзяньлэ для очередной атаки, ноги подогнулись, и Лин едва не упала, пролетев вперед, будто хотела протаранить соперника лбом. Цзяньлэ поймал ее за плечи. Лин отпихнула его от себя, покачнулась. Грудь тяжело вздымалась и опадала.

Ничего не понимающие жнецы замолкли, неподвижные, как терракотовые воины. Зато Лин осознала произошедшее ясно.

— Ты меня отравил. – прошипела она.

От ярости или от яда, кровь вскипела и зашумела в ушах.

Сквозь маску спокойствия на лице Цзяньлэ проступило высокомерное выражение.

— Ты могла догадаться, что я попытаюсь.

— Я не ела, пила только из своей горлянки... – Лин осеклась, ее осенило. – Мазь.

Тайсэн выглядел растерянным. Он не знал.

— Паралитик. – Цзяньлэ неторопливо вернул меч в ножны. Его движения были по-прежнему неловкими, но теперь никто не смеялся. – Через час пройдет.

Лин бросилась на него, движение казалось ей стремительным, однако все, на что ее хватило – рухнуть на колени. Ни один яд не мог ее убить. Но это не значит, что они на нее не действовали.

Цзяньлэ с почтительным поклоном вернул меч принцу. Встал перед Лин, глядя на нее сверху вниз. Лин стояла перед ним на коленях, сжимая челюсти с такой силой, что заныли зубы. От унижения ее трясло.

Ни за что. Она. Не. Проиграет.

Из последних сил Лин выбросила себя наверх. Самоуверенный ублюдок совершил ошибку, подойдя к ней так близко. Она вскочила на ноги и упала на Цзяньлэ, вцепилась в него, впилась зубами в предплечье. Вдвоем они повалились на землю, Лин рвала и кромсала, ногтями, зубами.

Яд действовал. После короткой борьбы Цзяньлэ оказался сверху. Он прижимал Лин к земле за холку, как дикое животное, а она вопила и билась в неистовых конвульсиях. Тело не слушалось. Оцепенение сжимало его. Лин отчаянно сопротивлялась.

— Сдавайся, Лин. – его голос звучал устало, словно он возился с неуправляемым ребенком.

Лин зарычала.

— Ни за что! – рявкнула она. – Никогда!.. Не сдамся!.. Ничтожеству, вроде тебя!.. Не такому, как ты!.. Гребанный ублюдок!.. Паршивая скотина!.. Я перережу тебе глотку, выпотрошу!.. Пусти!.. Пусти, урод!

Лин долго билась и вопила, пока яд не сковал ее окончательно, а на глаза не упала пелена. Она не почувствовала, как Цзяньлэ отпустил ее. Не услышала, как появившиеся на поле монахи велели жнецам разойтись. Лин еще что-то говорила, не кричала – голос осип, из горла вырывался отвратительный жалкий хрип.

Тайсэн поднял ее, Цзяньлэ отряхнул от пыли, и вдвоем они направились в лекарский двор, двое пешком, и Лин – на руках.

Вечером Лин не искала Цзяньлэ, чтобы позубоскалить. Никто не решался смеяться над ней, но любопытные взгляды преследовали весь день. Она скрылась от них на ступенях двора для прихожан. Солнце садилось, врата Циляня закрылись для посещающих, но из павильона для вознесения молитв все еще пахло ладаном.

Только заслышав шаги за спиной она поняла, кто это.

Цзяньлэ присел рядом. Протянул ей свою тыкву-горлянку. В царстве Юэ до объединения существовал обычай примирения врагов – они должны разделить трапезу. Знал ли об обычае Цзяньлэ, передавая Лин сосуд?

Лин без вопросов приняла его. Даже зная, что Цзяньлэ мог налить туда доверху смесь мышьяка и ртути. Она уважала тех, кто способен дать ей отпор.

— Больше не ломай себе кости. Иначе я не смогу помочь.

Лин поднесла сосуд к губам и обнаружила, что внутри не вода, а торговое вино.

— Так очевидно?

В голосе лекаря слышалась легкая обида:

— Ты думала, я не замечу, что почти сросшуюся ладонь сломали заново? Лань Лин, за кого ты меня принимаешь?

Цзяньлэ засунул руки в рукава, то ли пряча от Лин, то ли просто согревая – его пальцы всегда были холодными. Лин вернула ему горлянку.

— Мне жаль.

— Чего?

— Кажется, в обед я перегнул.

— Ха-ха, да, ты та еще тварь.

— Спасибо за добрые слова.

Лин покачала головой. Она не обижалась на хорошую трепку. Приятно встретить достойного против-ника.

Когда в Небесных чертогах ей вынесли приговор, она рассмеялась в лицо небожителям. Бессмертие. Императоры прошлого казну опустошали ради безрезультатных экспедиций в поисках эликсира, дарующего вечную жизнь. А Лин она досталась в наказание. Тогда она не понимала, на что ее обрекли. Лин сходила с ума от развернувшихся перед ней перспектив. Пусть ее страна в руинах, у нее есть все время мира, чтобы вернуть ее, восстановить, сделать величественнее прежнего. А все ее враги умрут, она увидит их смерть, а сама останется молода и полна сил.

В одном она оказалась права – ее враги и впрямь умирали. Но какой смысл, если она находила новых? Они поддерживали пламя неиссякаемой ярости в ней, той, что толкала Лин вперед, прямо в разверзнувшуюся пропасть.

Может, ей просто стоило перестать искать новых врагов?

Глава 5. Если хочешь что-нибудь поймать, сначала отпусти

— Много веков назад мир был пуст. Бесконечный бескрайний сгусток чистой энергии. Лишь бессмертные силы стихий бушевали в нем, день сменялся ночью, огонь боролся с водой, столкновения тьмы и света порождали бедствия в потоке чистого хаоса.

Тут музыкант, исполнявший простецкую мелодию из трех нот, налег на старый гуцинь с надтреснувшим корпусом. Пальцы яростно пощипывали многострадальную струну. Гуцинь издавал дрожащий писк, который должен был создавать напряжение на особо драматичном моменте спектакля. Может, это и впечатлило собравшуюся детвору, но Лин считала, что музыкант переигрывает.

Палочки с бумажными фигурками волн, пламени и цветных спиралей хаотично скакали и метались по сцене, вероятно, изображая вечную борьбу. Актер-кукольник тоже переигрывал.

— И вот однажды, из хаоса вышли боги. – фигурки расступились, уступив место мужчине и женщине со змеиным хвостом вместо ног. – То были Фуси и сестра его, Нюйва.

Фигурки гуляли по сцене, над ними сияло нарисованное солнце, и пели затяжные трели птицы. Лин сомневалась, что в чистом хаосе существовали свиристели.

— Одиноко стало Нюйве. Не было у нее детей, и решила она сотворить людей. Фуси любил сестру. Ради нее он устроил хаос, разогнал огонь и воду, тьму и свет, и сотворил он землю, засеял растениями, населил зверями. – мужская фигурка трудилась в поте лица: скакала по сцене, пока из-за кулис вылазили деревья и животные. – И достал он сестре глину, из которой слепила она людей. Знатных вылепила она своими божественными руками, нищих и безродных – поясом своим, ударяя по куску глины, и возникли они из брызг.

Нюйва заняла место подвешенного на нитке солнца и сверху взирала, как снизу выскакивали одноликие бумажные человечки. Они различались только цветом одежд.

— Непокойны были дети ее, войны и распри охватили мир смертных. – бумажных человечков в халатах сменили всадники на лошадях, несущиеся навстречу друг к другу. Пейзаж тоже сменился: на фоне выросли извергающие магму вулканы, человеческие руки осыпали сцену алыми клочками бумаги. – Хаос стремился уничтожить созданный богами порядок. И Фуси, дабы противостоять ему, возлег с сестрой своей...

— Ясно, ему просто хотелось трахнуть Нюйву. – проворчала Лин, разгрызая сахарную корочку танхулу⁸. Сладкий сок и мякоть боярышника потекли ей на язык. – У нее же хвост, куда он?..

— Лин, здесь дети. – напомнил Цзяньлэ.

И не только: собравшиеся на уличный спектакль взрослые уже начинали возмущенно поглядывать в их сторону и шикать.

— И родила Нюйва богов, хранителей смертного мира. Четверо стали владыками ветров. Трое – повелителями океанов. Явились на свет и боги великих морей и рек, богиня, что благословляет плодородную землю, и тот-кто-дремлет, сжимающий-хаос-в-объятиях, дабы не извергались вулканы и не содрогалась земля. Родились и боги, что хранят Око, наблюдатели, пишущие историю нашего мира, и Судья, что вершит правосудие, и Ткачиха, что плетет судьбы.

— Бедняжка, столько на родильном ложе провести. – снова подала голос Лин. – А это ничего, что вся Поднебесная поклоняется детям инцеста?

Ладонь Цзяньлэ легла ей на рот.

⁸ Засахаренные фрукты или ягоды на палочке

— Немного. Гребанного. Уважения. — шепнул он наставительным, беззлобным тоном.

— *Но вместе с порядком, в мир пришел и хаос. Полнился мир людей смертями, и души человеческие не находили пути в сансару. Заблудшие души становились демонами, отравой и гнилью Нижнего мира.*

Боги исчезли со сцены. Их сменили уродливые существа с глазами навыкат и высунутыми языками. Палочки хаотично скакали и металась по сцене, изображая безумие. Жрали бумажных людей и злобно хохотали.

— *Зло, порождаемое демонами, было столь велико, что сама суть мироздания не выдержала.* — голос сказителя становился громче, пальцы музыканта неистово насиловали струну. Самое время было подключить бой барабанов, но музыкант располагал лишь струнными, поэтому отдувалась пипа. — *И в один день Небеса рухнули на землю, чтобы стереть зло из мира смертных. Но под угрозой оказались не только порождения зла, но и весь род людской. События тех дней назвали Первой Кальпой, первым божественным очищением. Дабы спасти людей, бог по имени Пань Гу крепко встал на ноги и взвалил Небо на свои плечи.*

Фигурка Пань Гу нелепо билась головой об облака.

— *Пань Гу поднял Небеса, не позволив им раздавить землю, но мир был практически уничтожен.* — на пару мгновений со сцены исчезли все фигурки. — *Уничтожен, чтобы возродиться вновь.*

Облака, солнце и деревья повывлезали из-за кулис.

— *Но и это не остановило демонов.* — уродливые морды снова принялись скакать по декорациям. — *Тогда случилась Вторая Кальпа. Король драконов затопил земли, превратив наш мир в один бескрайний океан. Ушли под воду города и государства, культуры были стерты.* — нарисованные волны заслонили собой облака и деревья. — *И тогда бог по имени Нэчжа вступил в бой с драконом.* — красочная фигурка несколько раз столкнулась с бумажным змеем, после чего тот рухнул, поверженный. — *Убив дракона, Нэчжа сбросил его в океан, и на плоти его поселил людей.* — на сцене выросли три острова. Там, где была голова дракона — самый крупный кусок земли, царство Хань. Там, где ребра дракона поднимались из воды, образовалось Юэ, тонкий вытянутый клочок суши на месте хвоста. И между ними — Цин. — *Драконы же, оставшись без предводителя, выродились, став гигантскими водными змеями, что прячутся в Пасти своего мертвого породителя.*

— Теперь-то мы можем идти? — спросил Цзяньлэ.

— Еще не закончилось. — отозвалась Лин.

Эту историю она слышала сотню раз. Небожители вновь восторжествовали над злыми демонами, две Кальпы прошли, а Третьей не случилось. Спектакль приближался к моменту, когда одна неумная смертная испортила жизнь трем мирам.

— *И теперь в мире смертных храм Цилинь исполняет волю богов!* — торжественно провозгласил рассказчик. — *Дабы предотвратить еще одну Кальпу, монахи истребляют демонов и несут мир Поднебесной империи!*

Здесь музыкант разошелся не на шутку и продемонстрировал все свои умения, сыграв целых четыре отличных друг от друга аккорда. Публика рукоплескала. Осчастливленные дети загалдели. Они еще не лишились веры в истории, где добро торжествует.

— Не расходитесь! Не расходитесь! — зазывал голос рассказчика. — Одна история закончилась, но начинается другая! Итак, рассаживайтесь по местам, господа!

Взмах руки, и музыкант затянул простенькую навязчивую мелодию.

— Подходите, подходите! Мы начинаем рассказ! Хотите услышать о далеких временах, когда Поднебесная империя была раздроблена? О далеком царстве Юэ, мятежном, покоренном ценой пролитых рек крови? Я расскажу вам о том, как первая и единственная в истории императрица взошла на престол! О времени упадка, тирании и кровавых расправ! История о безумии и предательстве, о падении страны от рук сумасшедшей правительницы. История о

темных временах, когда все царство молилось о здоровье Советника, сдерживающего безумие императрицы...

Лин развернулась и бросилась прочь. Вслед ей что-то крикнул Цзяньлэ, а актер продолжал рассказывать историю, о которой не знал ничего, кроме вялых абзацев из учебников истории и извращенных устных преданий.

Ее трясло. Кинжалы крепко прижимались к талии, закрепленные поясом, и Лин стоило титанических усилий не выхватить их и не обгадить кровью жалкие театральные подмостки на глазах у заинтересованной детворы.

Мимо проносились торговые лавки, люди и яркие пятна бумажных фонариков, все сливалось в единый мазок.

Она не безумна. Это ложь. Она не была такой. Или была? Она действительно с кем-то расправлялась, но разве жертв было так много? Это ее предали, не она. Ее и ее царство продали, так почему же целый мир решил, что в падении Юэ виновна она одна?

Лин не собиралась слушать, как неоперившийся юнец с не обсохшим на губах молоком тычет ее лицом в давние ошибки, как помочившегося в неположенном месте щенка. Как перевирают личность ее Советника.

Ее Советника...

Лин остановилась.

Она замерла посреди вымощенной мелким камешком дороги. Над черепицей крыш растянулась ночь цвета пепла, но здесь, внизу, ее длинные лапища отгоняли гирлянды круглых фонариков. Меж домами перекинулись алые полотнища. Кругом были счастливые, смеющиеся лица. Они проплывали мимо Лин, а она стояла против течения, потерянная, неживая, чуждая.

Когда в мире рождается кровавый тиран, принесший много бед людям, все задаются вопросом: почему он стал таким? Как все могло так обернуться? Что сделало его чудовищем... или же, он им родился?

Если бы Лин спросили, с чего все началось, она бы ответила, что все началось с ее матери.

Больше трех сотен лет назад

Миновал целый век после Второй Кальпы – ровно столько потребовалось человечеству, чтобы вновь восстать из пепла, или, в данном случае, из пены морской. Некогда единые земли оказались разорваны на три неравных куса бескрайним океаном. На труп дракона выросли три царства – Хань, Цин и Юэ с правящими династиями Чжоу, Мин и Лань.

После эпохи хаоса и разрушения, наступили мирные времена, продолжавшиеся несколько десятилетий, сменилось несколько поколений. И в городе Иу, столице царства Юэ, чиновник Цзин Ли готовил свою дочь к замужеству. Красавице Цзин Ци предстояло выйти замуж за императора, а ее детям – унаследовать родовое имя Лань.

Это мог бы быть долгий и, несомненно, увлекательный рассказ о борьбе за власть и любовь императора, ведь Цзин Ци должна была стать не единственной, а первой среди равных, женой среди наложниц. Но давайте просто держать в уме, что Цзин Ци обладала тяжелым нравом, и с самой свадьбы император терпеть ее не мог. Она могла бы стать ему советником в вопросах политики и управления, но именно это правитель в ней и ненавидел. Ум вместо покорности, гнев вместо смирения. С первых же дней после свадьбы император предпочитал ей компанию наложниц. Чудом Цзин Ци удалось произвести на свет двоих детей, мальчика и девочку. Лань Чжэньяна и Лань Лин.

Первому предстояло занять трон царства Юэ. Спустя три сотни лет на театральных подмостках будут разыгрывать истории о безумной императрице, позабыв, что до нее был безумный император.

Лань Лин не нравилось быть принцессой. Ей запрещалось есть много сладостей, ведь пряники с пастой из фасоли могли навредить коже. Приходилось носить неудобные платья,

а прическа, которую часами по утрам громоздили на ее голове слуги, все время клонила ее детскую головку из стороны в сторону и цеплялась за мебель. Лин хотела бы ездить с братьями и отцом на охоту, а не протыкать пальцы иголкой в попытке вышить на шелке птичку. Или сражаться с демонами, как герои ее любимых книжек. Это намного интереснее, чем учиться выводить иероглифы и получать прутот по пальцам каждый раз, когда пачкаешь пергамент в туши.

Когда Лань Чжэньян был маленьким, они играли вместе во дворце, где жили отдельно от отца и других наложниц с их детьми. Для каждой женщины императора был отдельный двор. Тот, в котором жила Цзин Ци с детьми, назывался Красным теремом. Наверное, потому, что красный – цвет императора, цвет рода Лань. Лин знала, что у нее есть и другие, единокровные братья, но Цзин Ци запрещала ей даже смотреть на них.

— Ты принцесса рода Лань. – повторяла она, держа Лин за подбородок ледяными пальцами, а ее длинные ногти царапали кожу. – Сестра будущего императора. А они – свора щенков, которых твой отец наплодил на стороне. Тебе не по статусу говорить с ними.

Когда у Лань Лин спрашивали, сколько братьев у нее было, она говорила – один.

Лин знала, что мать ее не жалуется. Цзин Ци предпочла бы родить второго мальчика, но, раз уж боги послали ей девочку, приходилось терпеть. Отец же и вовсе игнорировал существование Лин. Ее единственное воспоминание о нем – это когда она, совсем еще кроха, решила забраться ему на колени. Император отмахнулся, опрокинув ее на пол, даже не взглянув на Лин. Больше она к нему не подходила.

Ну и что, что ни отец, ни мать ее не любили. Ее любил Лань Чжэньян, и Лин его любви было достаточно. Когда же брат вырос, у него появилось множество других дел, присущих принцам, а времени на игры с Лин почти не осталось. Только по вечерам он прокрадывался в ее комнату, чтобы читать книги о том, как их предок бороздил бескрайний океан, воевал с пиратами и захватывал земли на острове. Книги о богах, демонах и героях древности.

— ... и тогда он вонзил меч в брюхо морского змея, и вспорол его... это точно детская книжка? – усомнился Чжэньян.

— Читай! – потребовала Лин, ударив кулаком по одеялу.

— Завтра продолжим, хорошо? – брат отложил книгу и погасил фонарь. – Я должен ехать на охоту утром.

— Меня снова не берут?

— Когда я стану императором, я разрешу тебе охотиться. – пообещал Чжэньян. – Выпишу тебе официальное разрешение, на позолоченной бумаге, заверенное императорской печатью. И велю министрам его подписать. А пока тренируйся, ты ведь делаешь, как я тебе сказал?

Лин активно закивала. Чжэньян велел ей перетаскивать камни из сада в Красном тереме в императорский сад. Поначалу Лин казалось, что задачка легче легкого, но камни оказались тяжелыми, а путь к саду отца лежал мимо дворцов министров и оказался дольше, чем раньше виделся Лин из окошечка паланкина. Также Чжэньян требовал, чтобы каждый день Лин минимум три раза взбиралась на деревья, а если ей не хватало сил поднять какой-то камень, она должна была стоять на руках так долго, как сможет. До тех пор, пока ее тело не окрепнет достаточно, чтобы сдвинуть с места не поддававшийся ей поначалу булыжник.

— Хорошо. – одобрительно кивнул принц. – Натянуть тетиву не так-то просто, если руки слабые. А без лука на охоте тебе никого не поймать. Ну-ка, покажи мне свои руки. Какие сильные! Тогда завтра я покажу тебе, как стрелять.

Лин весь день ждала Чжэньяна, от нетерпения иголка выскальзывала из пальцев, и вышивка получилась еще хуже, чем обычно. Наставница сдержанно похвалила Лин, но лишь потому, что не решилась отругать принцессу. Даже если ее птичка на шелке походила на лужу лошадиного помета.

Но в тот день брат так и не пришел за ней. Лин сама, подобрав юбку идиотского платья, потопала к нему. Чжэньян сидел на постели, сгорбившись и локтями уперевшись в колени. На лице его было такое выражение, будто он никого не поймал на охоте, еще и лук сломал, других объяснений в голову Лин просто не пришло. Она собиралась было отругать его за то, что совсем позабыл про нее, но тут Чжэньян заговорил:

— Он сказал, что я никогда не стану императором.

И тогда Лин заметила Цзин Ци, стоящую чуть поодаль. Лин шагнула назад – она должна была пойти заниматься игрой на цине, и испугалась, что мать ее заметит.

— Почему он это сказал? – голос Цзин Ци звучал как чистая сталь. В нем не было ни градуса тепла или утешения, только требование и холодная ярость.

— Без причины. Мы охотились, и вдруг он подвел свою лошадь к моей и спокойно, без какого-либо выражения в голосе сказал «можешь даже не мечтать о троне, он никогда не будет твоим».

Лин не понимала, что такого важного в стуле, на котором обычно сидит отец. Но на комнату упала давящая тишина, а лицо Цзин Ци исказилось от ярости, словно Чжэньян отвесил ей пощечину.

— Вот значит как. – проговорила она тихо, и на этот раз голос походил на змеиное шипение.

— Это... не бери в голову. – Чжэньян поднялся и положил ладони на плечи матери. – Думаю, он просто... Он ведь не может лишить меня короны, правда? Я его сын.

— Один из многих. – напомнила Цзин Ци.

— От законной супруги. – упорствовал Чжэньян.

— Он меня не любит. Не любит меня, не любит тебя. И не хочет видеть на троне. Он может выбрать другого наследника. Такое уже случалось в прошлом – старшие сыны оказывались недостойны, и правитель назначал преемника среди остальных.

Плечи Чжэньяна поникли.

— Мне... что тогда будет с тобой и Лин? Если он выберет... Лояна?

Цзин Ци скривилась.

— Не произноси при мне имя сына этой суки. Не беспокойся об этом, дорогой, хорошо?

— Но...

— Ты – принц рода Лань. – она взяла его за подбородок, как и Лань Лин в моменты провинности, и ее ноготь так же царапнул щеку Чжэньяна. – Будущий император. Хорошо учись всему, что дают тебе наставники. А о престолонаследии не беспокойся. Я обо всем позабочусь.

Лань Лин была ребенком. Она подумала, наверное, мать поговорит с отцом, они все прояснят и тот возьмет назад свои жестокие слова. Чжэньян ребенком не был. О чем он подумал в тот день, Лин не знала, но они оба поставили на свою мать.

И оба прогадали.

С того дня Лин стала еще реже видеть Чжэньяна. Он учился днем и ночью: тренировки с мечом, история, политика, экономика, культура, военное дело, кораблестроение и теория морских сражений. Последние две науки стали особенно важны теперь, когда империя, не имевшая выхода к морю, превратилась в островные царства. У рода Лань и раньше были корабли, но настоящий военный флот, способный преодолеть Ребра и доплыть до Хань, начал возводить только дед Чжэньяна.

У Лин освободилось время на тренировки. После занятий она таскала камни, воображая, как брат ее похвалит, когда увидит результат. У пруда в Красном тереме почти не осталось булыжников, и золотистые карпы плескались над галькой.

— Эй, ты чего удумала, мелкая дрянь?! – слышалось за спиной, когда Лин с облегченным вздохом уронила очередной камень в саду отца. Поначалу она не обратила на окрик внимания, ведь никто раньше не смел обращаться к ней подобным тоном.

— Я к тебе обращаюсь, ты глухая?! Сейчас же повернись и поприветствуй принца, как полагается!

Лин наконец узнала голос. Лоян, сын любимой наложницы отца, старший из всех его детей. Лоян родился незадолго до женитьбы императора на Цзин Ци. Лин повернулась к брату и обнаружила за его спиной еще троих. Все юноши носили цвета семей своих матерей. Только детям Цзин Ци дозволялось надевать красный императорский цвет.

— Что это ты позабыла в саду у императора? – допытывался Лоян, подойдя ближе. Его тень полностью поглотила Лин, и она внутренне сжалась, будто над ней склонилось огромное хищное животное. Остальные братья сжали ее в кольцо, отрезав возможность побега. Лин одернула себя и выпрямилась, а после продекламировала, как ее учила мать:

— Я Лин, из рода Лань. И я могу находиться в саду отца.

Братья обменялись смешками и понимающими взглядами, которые очень не понравились Лин. Она знала, что они не могли причинить ей вред, она ведь от крови правителя. Но внутренности скрутились, как белье в руках прачки, и тошнота подступила к горлу.

Лоян присел на корточки, чтобы его лицо оказалось на одном уровне с Лин, и засюсюкал:

— А братик не сказал тебе, что дочерям нельзя покидать двор их матерей? Ты должна держаться за юбочку своей мамочки, крепко держаться, иначе случится что-то плохое.

Если бы Лин была героиней книжек, что читал ей Чжэньян, она бы ударила Лояна в нос. Но храбрости в ней хватило лишь повторить:

— Я Лин из рода Лань. Я хожу там, где хочу.

Брови Лояна изогнулись в выражении притворной жалости.

— Раз братик тебе не сказал, что случается с непослушными девочками, другой братик тебе объяснит. Доходчиво объяснит.

Лоян резко поднялся, схватил Лин за шкурку и потащил. Она пыталась кричать, но ворот пережал горло. Пальцами Лин хваталась за одежду в попытке оттянуть ткань и глотнуть немного воздуха. Ноги засучили по земле, но широкий шаг Лояна уничтожил надежду встать ровно. Идущие за ними принцы хохотали, им происходящее казалось невероятно забавным. Их смех заглушал жалкие попытки Лин позвать на помощь.

Сад императора был самым роскошным во всем дворце. В нем росли красивейшие деревья со всего острова, редчайшие цветы, привезенные из Хань и Цин, каменные плитки в дорожках менялись через каждые три сезона дождей, а мылись щетками ежедневно. И, конечно, в саду императора был самый большой пруд. Наложницы, как и Цзин Ци, держали карпов на удачу в небольших прудиках своих аккуратных садиков. А вот пруд для императора вырыли размером с настоящее озеро, перекинув через него аккуратные дугообразные мостики. По ним теплыми солнечными деньками прогуливался правитель со своей свитой, в беседках на этих мостиках пил чай.

Из одной из таких беседок Лоян выбросил Лин в воду.

Прежде она не бывала в водоемах глубже деревянной купели. Лин открыла рот, чтобы закричать, и вода безжалостно ворвалась в ее горло. Грудь обожгло. Лин отчаянно замахала руками и ногами, и чудом ей удалось вынырнуть на поверхность... и вновь уйти под воду. Она брыкалась, плескалась, билась в агонии и панике, накрепко сжимая губы, чтобы не проглотить больше ни капли. Сил хватало лишь чтобы вытолкнуть себя наружу, глотнуть воздуха, и вновь уйти под воду. Лоян и его братья посмеивались над ее жалкими попытками всплыть.

— Ты что же, Лин из рода Лань, не знаешь, что твой предок бороздил океан? – кричал Лоян, достаточно громко, чтобы Лин могла услышать его сквозь толщу воды. – Почему же ты не можешь плыть? Или твоя шлюха-мать нагуляла тебя от какого-нибудь чиновника?

Может, он говорил что-то еще, но Лин больше не слышала. Силы иссякли. Она поняла, что больше не всплывет, и глоток воздуха, что она успела сделать, последний. Когда же он закончится...

Что-то ворвалось в воду рядом с ней, руки обхватили Лин поперек туловища и потянули вверх. Когда она снова смогла дышать – не бороться за каждый вдох, а дышать! – Лин раскрыла шире рот, желая проглотить весь воздух на свете, вода текла по ее лицу вперемешку со слезами.

Чжэньян проплыл к загороди пруда, вытолкнул Лин на траву и выбрался сам. Лин была так напугана, так дрожала, что не могла вымолвить ни слова. От шока она даже не шевелилась.

— Зачем вмешался, принц Чжэньян? – со скорбью поинтересовался подошедший со своей свитой Лоян. – Она почти научилась плавать.

Чжэньян не ответил. Он молча поднялся, молча приблизился к брату и также молча ударил его. Чжэньян ударил другой, а потом и третий, и все братья Лань Лин смешались в кучу тел, наносящих друг другу яростные, неистовые удары. Будь Лань Лин героиней книжек, которые читал ей Чжэньян, она бы бросилась в самую гущу драки и помогла ему. Но она была маленькой, слабой, несмотря на все тренировки, девочкой. Она могла только смотреть. И когда один из братьев достал из-за пояса кинжал, Лин в ужасе закричала.

А лезвие вошло Чжэньяну в глаз.

— Они изуродовали твоего сына! Изуродовали! Твоего! Сына!

Цзин Ци бесновалась, как пойманная в клетку тигрица. Заточи ее за решетку, она также бросалась бы на прутья и пыталась их перегрызть, обезумев. Женщине непозволительно так себя вести, так мать всегда учила Лань Лин. Будь сдержанной, держи лицо, не показывая эмоций. Сейчас Цзин Ци попирала собственные заветы, бросаясь на мебель. Волосы выбились из ее идеальной прически, а слои роскошного платья перекошились. Багровые пятна на лице проступали сквозь слой белоснежной пудры.

— Едва не убили! Один цунь! Вот столько отделяло его от смерти!

В душевной тесной комнате собралась вся императорская семья. Наложницы, жена, дети, и сам император. Все молчали, позволяя Цзин Ци высвободить гнев. Лин сидела на крошечном стульчике, похожем на кочан капусты, рядом с округлым приемом, ведущим в соседнюю комнату. Там на постели лежал Чжэньян, а над ним склонился лекарь. Не так давно он объявил, что принц выживет, но левый глаз он потерял навсегда.

Наконец Цзин Ци замолчала, руки ее опали вдоль тела, и она посмотрела на хранившего безмолвие императора. Он же, словно только и ждал, когда она успокоится, произнес:

— Всего лишь драка, Цзин Ци. – ему полагалось на людях обращаться к ней по титулу, «драгоценная супруга». Но император пренебрег условностями. – Мальчишки повздорили, это нормально в их возрасте.

— Что ты... что ты такое говоришь! Они едва не утопили твою дочь!

Отец даже не взглянул в сторону Лин, будто ее не существовало.

— Им тринадцать, Цзин Ци. Они дети.

Наложницам не полагалось говорить в присутствии главной жены. Они могли быть лишь безмолвными свидетелями решения императора, и Лин заметила, как после его слов расслабились руки матери Лояна, сжимавшие его плечи.

— Они воткнули нож в твоего сына! Ты не накажешь их?!

— Сперва объясни мне, что твоя дочь делала в моем саду. Ты плохо воспитала ее и плохо смотрела за ней.

— Я... – Цзин Ци осеклась. – Я исправлюсь. Но какое Лин имеет отношение к тому, что сотворили Лоян и остальные? Я требую наказания!

Лицо императора, до этого бесстрастное, потемнело, а глаза опасно сузились. Даже официальная супруга не имела права говорить с ним в таком тоне, какой позволяла себе Цзин Ци.

— Ах, ты требуешь? Хорошо. Будет наказание. За то, что без разрешения покинула Красный терем, ворвалась в мой сад и поссорила принцев, твоя дочь сутки простоит на коленях перед алтарем предков, прося у них прощения за свой проступок. Если снова решит куда-нибудь сбежать, наказание будет продлено еще на сутки. Это научит ее уважать правила и умирять своих демонов. На этом все.

Император развернулся и двинулся к дверям. Наложницы и их дети тоже пришли в движение. Не поднимая склоненных голов, они потянулись следом за правителем. Лин же приросла к стулу. Наказание было не слишком суровым, не избивание палками и не сырые темницы. Но за что? За то, что таскала камни? За то, что чуть не умерла? Глаза наполнились слезами. Лин в отчаянии посмотрела на мать.

— Нет.

Раздалось в комнате, и слово камнем ударилось о пол, заставив всех оглянуться.

— Нет. – повторила Цзин Ци. – Она не будет наказана.

На нее смотрели, как на умалишенную. Одно дело устроить истерику, обезумевшей от горя матери такое спустили бы с рук. Но возражать императору... противиться его решению... за подобное на эшафот отправлялись даже ближайшие члены семьи.

— У Лань Лин дурной нрав, и я заставлю ее сидеть у алтаря. Если нужно, будет сидеть три дня. Но только после того, как глаза лишится тот, кто отнял его у Чжэньяна.

Цзин Ци коброй бросилась к наложницам, держащимся за своих сыновей.

— Кто из вас?! – крикнула она. – Выйди, иначе я выцарапаю глаза всем в этой комнате!

Император преградил ей путь. Знаком он велел наложницам покинуть комнату. Когда те вышли вместе с детьми, он впервые за долгие годы одарил Лин взглядом.

— Иди к брату.

Она чувствовала, что должна остаться. Но не была такой же храброй, как мать, чтобы возразить императору. Лин спрыгнула со стульчика и ушла в соседнюю комнату, забралась на постель к Чжэньяну, левая половина лица которого была перевязана бинтами.

А потом она долго сидела и смотрела на выступившее кровавое пятнышко на бинтах в том месте, где у брата был глаз, пока отец долго и безмолвно избивал ее мать.

Почти все свое детство Лин была уверена, что ее брат умер в день, когда лишился глаза. Она одновременно ненавидела и лелеяла эту мысль. Конечно, Лин хотела, чтобы Чжэньян был жив. Но в то же время ей хотелось верить – тот, кто очнулся, не был ее братом.

Он проснулся, еще когда синяки не сошли с тела Цзин Ци. Когда стертые коленки Лин не заросли новой кожей. Чжэньян стал замкнутым, нелюдимым и злым. Он больше не читал Лин книжки, только учился и тренировался. И все же тогда в нем еще оставалось что-то от прежнего Чжэньяна.

В день казни их матери от ее брата не осталось ничего. Только его страшная, ненавидящая мир тень.

В тот день Лин с самого утра не понимала, что происходит, почему люди вокруг нее так взволнованны, взбудоражены. Никто не говорил ей, что происходит, только стражи во дворце стало больше, а солдаты ходили с обнаженными клинками, чего не имели права делать в любой другой день. А потом Красный терем опустел. Не осталось ни слуг, ни наставников. Мать Лин не видела со вчерашнего дня, а Чжэньян показался лишь вечером, велел ей не покидать комнату, пригрозил наказанием и ушел.

Лин долго сидела в кровати, не решаясь послушаться. Но плохое предчувствие выворачивало ее наизнанку. В конце-концов она обулась, прибрала волосы, оправила одежду. Цзин Ци наконец удалось втолковать ей, что показываться на людях без прически и наряда – верх невоспитанности, но Лин не стала ненавидеть прически и платья меньше. К тому же, в Красном тереме не осталось прислуги, чтобы заплести и одеть ее. Так что Лин натянула простое

платье, собрала волосы в хвост, ведь оставлять их распущенными было вульгарно. И вышла из двора. Оставшиеся несколько стражей не остановили ее.

Весь дворец опустел. Таким безжизненным Лин его не видела никогда. В воздухе витал щекочущий ноздри металлический запах, но Лин не придавала ему значения. Мимо нее пронеслись несколько служанок. Лин схватила их за подолы платьев, привлекая внимание, и спросила, где все. Служанки, видимо, не признали в ней принцессу из-за неаккуратной прически и простого платья. Они сказали, что в северном дворе казнят предателей.

— Утром заговорщики попытались убить императора. Теперь им всем отрубят головы. — с восторгом рассказала та, что помоложе. Вид у нее был такой, словно она спешила на самое интересное в ее жизни зрелище.

В северном дворе, где обычно проводились торжественные церемонии, в ряд выстроились скованные одной цепью мужчины. Все они носили солдатские одежды с символом одного из генералов отца. Лин сразу поняла: это генерал Яо хотел убить ее отца, чтобы захватить власть. В истории часто генералы предавали своих господ. На их стороне было верное им войско, так что они всегда рассчитывали на благоприятный исход. В этот раз не случилось ни одного сражения. Мятеж подавили за несколько часов, раскрыв всех заговорщиков, император даже не успел испугаться, и не было пролито ни капли крови.

Зато теперь ее проливали сполна. Лин сумела протолкнуться через собравшихся, и хорошо видела, как топор палача ловким и отработанным движением отделял тела от голов. В первых рядах она заметила министров ее отца, наложниц и их сыновей... и Чжэньяна. Он смотрел на носки своих ботинок и не видел и не слышал ничего вокруг.

Затем убийства на некоторое время прекратились. В центр площади вывели двоих, женщину и мужчину, тоже скованных. Мужчину Лин узнала сразу, это и был генерал Яо, пришел умереть следом за своими людьми. А вот женщину Лин отказывалась узнавать.

Пока вперед не вышел первый министр, пока не поведал народу о вероломстве, о предательстве драгоценной супруги, о ее желании убить императора, чтобы скорее посадить сына на трон, об обещанных генералу Яо богатствах за помощь в ее черном богомерзком деле. После первый министр выразил волю императора покарать предателей и о его сомнениях в верности драгоценной супруги. Почему она выбрала генерала Яо для своих подлых замыслов? Не состояла ли она с ним в запретных отношениях? А дети драгоценной супруги? Не плоды ли они предательства?

Цзин Ци, казалось, морщилась не от ссадин и не от оков на ее нежных запястьях. Обвинения в супружеской неверности били ее сильнее хлыста. Лин была уверена, ее мать согласилась бы на самую болезненную казнь, если бы ей пообещали избавление от публичного позора.

Лин до последнего отказывалась признавать то, что вот-вот должно было произойти. Даже когда обезглавленное тело генерала Яо оттащили в сторону, а его место у плахи заняла Цзин Ци, Лин верила, что отец вот-вот остановит происходящее. Скажет, что передумал. Заменит казнь изгнанием. Но палач уже занес топор, а император не шелохнулся.

— Лань Лин!

Ее имя, пропитанное ужасом, пронеслось по северному двору. Чжэньян заметил ее. Сорвавшись с места, брат побежал к Лин через всю площадь. Толпа заволновалась, пошла волной. Чжэньян упал перед Лин на колени, прижал к себе с такой силой, что ее ребра заныли.

— Не смотри. — шептал ей брат. — Не смотри. Не смотри. Не смотри. Не смотри.

Топор опустился.

И вместе с Цзин Ци умер и Чжэньян.

Они жили в Красном тереме, теперь вдвоем с заметно поредевшим штатом прислуги и урезанными деньгами на содержание. Дети предательницы, возможно, плод измены, они стали презираемы всеми. Красный терем пришел в запустение. Раньше Цзин Ци следила за садом, за

порядком в доме, чтобы прислуга не халтурила при уборке, и не забывала чистить пруд. Теперь же Лин находила пыль там, где раньше ее не было, а в засорившемся пруду умерли все карпы.

Чжэньян пугал ее. Сон Лин стал прерывистым, она просыпалась посреди ночи, и в темноте ей мерещилась темная повязка на глазу брата. Ей снилось, как отец убивает их мать, а Чжэньян убивает Лин. Разными способами, она знала их множество. В основном из книжек, но многое ей доводилось видеть и вживую.

Однажды служанка расчесывала ей волосы, чтобы уложить в прическу. Чжэньян сидел неподалеку за письменным столом, изучая трактаты, которые ему очевидно уже не понадобятся. Если раньше только отец угрожал лишить его трона, то теперь весь дворец ненавидел сына императрицы-изменницы. Деревянный гребень скользил меж черных прядей, пока зубчики не зацепились за спутанный узел. Голова Лин от неожиданности дернулась назад.

— Осторожнее, больно же! – сказала она служанке. Та проблеяла извинения и продолжила расчесывать пряди.

Чжэньян поднялся.

— По-твоему, так можно обращаться с принцессой? – поинтересовался он обманчиво-спокойным тоном. Лин слышала этот тон у отца и знала, что ничего хорошего он не предвещает.

— Нет, мой принц, конечно, нет. – затараторила служанка.

Меч выскользнул из ножен и лишил ее головы. Та упала прямо в ноги Чжэньяну. Лин застыла с широко распахнутыми от удивления и ужаса глазами. Спина ее напряженно и неестественно выпрямилась. Служанки позади нее так низко склонили головы, что подбородками уперлись в грудь. С их губ слетали всхлипы и спутанные мольбы о пощаде.

— Ты. – Чжэньян указал на крайнюю служанку. – Бери гребень и делай моей сестре прическу. Если принцессе не понравится, отправишься следом за ней.

Больше Лин не издавала ни звука, даже если ей случайно делали больно.

Ее каллиграфия и вышивка оставались плохи, хоть она больше и не пропускала занятия. Музыкальные инструменты в руках Лин превращались в скрежещущие оружия пыток. В конце-концов, один из ее наставников пришел жаловаться Чжэньяну.

— Мой принц, вы должны принять меры. Ваша сестра, она... не может освоить ни одного искусства, необходимого для женщины из благородной семьи. Позвольте даже заметить, что никто не возьмет ее замуж, если так будет продолжаться!

Чжэньян одарил его тяжелым, потемневшим от гнева взглядом.

— Хочешь сказать, моя сестра бездарна? – его тон обещал смерть, если бы наставник ответил утвердительно. Но старик не был безумцем.

— Я не смею такого говорить, мой принц. Я лишь...

— Лань Лин – сестра императора. На ней женится любой, на кого она укажет пальцем. Кто посмеет ей отказать?

Старик молчал, но, поняв, что каждая секунда промедления с ответом приближает его к смерти, поспешно согласился:

— Никто, мой принц. Вы совершенно правы. Я больше не побеспокою вас.

Не все были так умны, как этот старик. За несколько лет Чжэньян уменьшил количество слуг в Красном тереме вдвое. Среди прислуги остального дворца Красный терем стал проклятым местом, которым пугают новеньких и куда ссылают провинившихся. Лин же окончательно забросила и вышивку, и каллиграфию, и музыку. Чжэньян подарил ей два кинжала и показал, как пользоваться ими. Лин спала в обнимку с ножами, но даже оружие не могло разрезать кошмары. Однажды ее крик после очередного страшного сна разбудил Чжэньяна. Брат присел на край кровати, как делал, когда она была совсем маленькой, и сказал:

— Зачем тебе оружие, если ты не пускаешь его в ход? Запомни, Лин, держать кинжал мало. Ты должна уметь пустить его в ход.

Лин покачала головой.

— Нельзя убить свои страхи.

— Можно. Все твои страхи породило нечто, существующее в реальности. И вот его ты убить можешь. Не позволяй тому, кто породил твой страх, ходить с тобой по одной земле. Ты должна убить монстра под кроватью, чтобы больше не бояться ничего.

— А ты... убил свой кошмар?

Взгляд Чжэньяна стал странным, задумчивым и обращенным куда-то сквозь Лин.

— Нет. Но скоро я это сделаю.

Он сделал то, что четыре года назад попыталась совершить Цзин Ци и за что поплатилась головой. Чжэньян избавил их от отца. От братьев. От их матерей. Ошибка Цзин Ци была в том, что она позволила слишком большому количеству человек узнать о заговоре. Она собирала союзников. Один из них испугался и доложил императору о готовящемся покушении в обмен на прощение. Чжэньян поступил иначе. Его союзниками были старый наставник, обучавший принца бою на мечях, и его сын, молодой солдат.

Втроем они входили в один двор за другим, убивая наложниц, их детей, стражу и прислугу. Внутри дворца стражи всегда было мало. Солдаты в основном охраняли дворец от вторжения снаружи. Внутри же жили старики-министры, евнухи-лекари, женщины и дети. Пары охранников на каждый двор хватало, чтобы разнимать драки меж наложницами, случавшиеся крайне редко. До сего дня история не знала случая, чтобы принц за одну ночь вырезал всю свою семью.

Чжэньяна короновали на следующий день. Дворец погрузился в оцепенение, в какое впадает маленькое животное перед крупным опасным хищником. Каждый житель дворца знал: для человека, убившего отца и братьев, жизнь всех остальных не стоит и медяка. И Чжэньян доказывал, что страх перед ним не бесплоден. Сначала он казнил палача, обезглавившего Цзин Ци. Затем первого министра, озвучившего приговор. Затем всех друзей и самых верных подданных отца. Министров, симпатизировавших другим детям покойного императора. Слишком болтливых слуг. Всех, кого подозревал в неверности.

Каждого он приговаривал к особой казни, позволял Лин выбрать, как умрет тот или иной осужденный. Когда же во дворце не осталось врагов, точнее, Чжэньян уже не мог их найти, он придумал новую забаву. Лань Лин росла и становилась девушкой. Чжэньян объявил, что намерен выдать ее замуж. Съехавшиеся со всех провинций сыновья чиновников и знатных торговцев собирались во дворце. Чжэньян заставлял их соревноваться друг с другом, но в итоге казнил всех, оскорбившись, что к его сестре пожаловали недостойные. На недовольство семей был один ответ – убийство этих семей.

Правление Чжэньяна было коротким. Лань Лин оборвала его, когда ей исполнилось шестнадцать. Только к шестнадцати она набралась достаточно смелости, чтобы посмотреть в лицо страху. Она долго смотрела на собственный ужас, пока не обнаружила, что у монстра под ее кроватью лицо Чжэньяна.

Она любила его, несмотря на то, каким чудовищем он был. Но Чжэньян стал монстром не только под ее кроватью. Вся империя спала и страшилась императора. Лин никогда не оправдывала себя благородными мотивами вроде заботы о стране и спасении народа. В ту ночь, когда она пробралась в спальню брата и вонзила клинок ему в сердце, она спасала себя. Убив монстра под своей кроватью, Лань Лин больше не боялась ничего.

Чжэньян не был первым, кого она убила. Во второй раз занести клинок оказалось легче, чем в первый.

Лин короновали на следующий день, как и ее брата пару лет назад. Глядя в зеркало на собственное бледное, осунувшееся лицо с темными кругами под глазами, она видела лицо Чжэньяна. Когда-то в детстве, когда он втайне от матери и наставников катал ее на лошади, Лин сказала:

— Когда я вырасту, я стану такой же, как ты.

Она выросла, и стала такой же, как он.

И для царства Юэ настали темные времена.

Настоящее

— Если тебе не понравился спектакль, надо было просто сказать.

Цзяньлэ нашел ее в узком темном проулке, куда выбрасывали отходы. От бесформенных куч тянуло гнильем. Лин сидела рядом с разбитой бочкой, взгляд направлен в никуда. Ей понадобилось время, чтобы вернуться в настоящее и заметить лекаря.

Да, в этом-то и проблема. Ее прошлое слишком реальное, осязаемое, а настоящее – неосознанное и неуловимое. Она все еще живет «там», ее «здесь» зыбкое и неустойчивое.

Лин не ответила. Цзяньлэ и сам понимал, что дело не в оскорбленном чувстве прекрасного.

Со вздохом Лин поднялась, выталкивая себя из пучины воспоминаний в шаткую реальность.

— Вернемся в храм? – спросила она, меняя тему.

— Помолиться детям инцеста?

— Ой, заткнись.

Она ткнула его локтем под ребра, и Цзяньлэ подавился смешком.

Глава 6. Сеять раздор

Фестиваль цветущих лотосов проводился во всей империи каждое пятнадцатое число седьмого месяца. В этот день вскрывали лучшее вино, а на стол обязательно подавали блюда из корней лотоса. По улицам проходило шествие из артистов, жонглеров, танцоров на ходулях, их цветастые наряды смешивались с толпами горожан, надевших свои лучшие одеяния. Музыканты трубили в гуань и флейты, звуки гонга пугали пролетающих над празднеством птиц, а белолицые девушки на ходулях осыпали головы зевак розовыми лепестками.

У водоемов было не протолкнуться: весь город высыпал на каменные дугообразные мостики посмотреть, как расцветают символы чистоты и божественного начала. С наступлением вечера на озера спускали фонарики в виде лотосовых цветов, но уже утром меж зелени перепончатых листьев покачивались первые фонарики.

Весь город звенел праздничными четками и пестрел разноцветными лентами.

...и наполнился вооруженными до зубов стражами. Патрули группами по пять человек обходили улицы, следя за порядком среди людей. За демонами присматривали жнецы храма Цилинь. Юноши в черных одеждах преследовали праздничные шествия, кружили меж торговых лавок и наблюдали за представлениями на площадях. Везде, где собиралась толпа, где могла укрыться нечисть, смешаться с людьми в причудливых костюмах, незаметно подманить ребенка в темную узкую улочку, увести девушку или юношу, жнецы усиливали контроль.

Лин слонялась по улицам с Тайсэном и Цзяньлэ. Принц шел между ней и лекарем, потому что эти двое успели в очередной раз повздорить накануне праздника.

Началось все с того, что Цзяньлэ внезапно спросил:

— Кто ты такая, Лань Лин?

Он обронил это невзначай, не отрывая глаз от толкушки, раскатывавшей сухие листья в порошок. Но Лин мгновенно напряглась.

Она долго не отвечала, надеясь, что лекарь не станет развивать тему, но он с напором продолжил:

— Не пойми меня неправильно. Не так часто встретишь девушку, владеющую оружием и путешествующую в одиночку. Я лишь хочу знать, каких проблем ожидать.

— Честность за честность. Кто ты такой?

Цзяньлэ поднял на нее взгляд, явно удивленный.

— Я? Почему ты...

— Ты неплохо ориентируешься в ядах. Никогда раньше не видела паралитиков в виде мази. Твое ведь изобретение.

— Я лекарь. Любое лекарство в неверной дозировке становится ядом. Моя работа знать дозировку.

— Это не ответ.

Цзяньлэ высыпал листья в баночку и плотно закрутил крышку, после чего поставил ее в один из кучи одинаковых ящичков в шкафу из темного дерева. Все ящички изнутри покрывал слой лака, чтобы уменьшить риск протекания хранящихся там составов. Ступки и колотушки после каждого использования тщательно промывались. Как Цзяньлэ и сказал – любое лекарство могло стать ядом.

Лекарь молчал так долго, что Лин подумала, он не ответит, но после долгой паузы Цзяньлэ все же заговорил:

— Отца я не знаю. Лекарскому делу меня учила мать. Когда она оставила меня, я жил у местного аптекаря. А встретив Тайсэна, пришел с ним сюда. Только и всего.

Что-то подсказывало Лин, что не «только и всего». Если бы мать Цзяньлэ была из знатной семьи, ее сын не торчал бы на содержании у аптекаря или лекаря при храме. А если она

из простонародья, то откуда у нее столько блистательных познаний в медицине и ядах, когда половина горожан не умеет читать?

— Твоя мать умерла?

Цзяньлэ тяжело вздохнул, показывая, насколько бестактный заданный вопрос.

— Не умерла. Просто ушла.

— Все интереснее и интереснее.

— Твоя очередь.

Лань Лин не собиралась ему врать. Но замаялась, раздумывая, какую правду сказать. Она была императрицей, мятежницей, наемной убийцей, пару раз попадала в рабство в Цин...

— Я – дочь императора. – наконец объявила она.

— Я не шутил, Лин. Скажи правду.

— Это абсолютнейшая правда.

Цзяньлэ долго смотрел на нее со злостью и обидой. Он-то сказал ей правду, а вот она, по его мнению, очевидно и беззастенчиво врала, откровенно издевалась. Лекарь всучил ей опустевшие склянки.

— Иди промой. – буркнул он. – Займись делом, совсем уже тронулась от безделья.

Пока Тайсэн патрулировал, а Цзяньлэ присматривал диковинки у торговцев, Лин наслаждалась жизнью. Ей давненько не доводилось посещать ярмарки, и она пробовала все: рисовые цзунцзы, паровые булочки с начинкой, танхулу, пряники и фрукты. Каждый раз, когда ей приглядывалась какая-нибудь побрякушка, она протягивала ладонь к Цзяньлэ и не убирала до тех пор, пока он не вкладывал туда монетку.

Так, рядом с нефритовым жетоном храма Цилинь на ее поясе к обеду повисло с десяток колокольчиков. Нефритовые жетоны храм выдавал всем жнецам и прихожанам. Монахи верили, что при приближении демона нефрит нагревается, сигнализируя об опасности.

С одной из улиц раздались крики. Лин, Тайсэн и Цзяньлэ одновременно обернулись. Парочка жнецов схватила юношу и уводила с торжества, а полная женщина, скорее всего, его мать, в слезах и на коленях умоляла пощадить парня. Лин умыкнула с прилавка яблоко, пока все отвлеклись на переполох, надкусила, разжевала. Парень не был демоном. Скорее дурачком, заключившим с демоном сделку в обмен на удачу, помощь с экзаменом или еще какую ерунду.

— Зачем устраивать такое в праздник? – поморщился Тайсэн.

— Назидание никогда не бывает несвоевременным. – с умным видом ответил ему стоящий рядом мужчина.

— Я не понимаю, почему мы так обходимся с людьми, которых должны защищать. – произнес Тайсэн. – Демоны не заслуживают ни жалости, ни сочувствия. Но зачем мы наказываем людей, которые могли быть попросту обмануты?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.